

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

ЖИВАЯ ВОДА

Сергей Алексеев

Живая вода

«Алексеев Сергей»

2014

Алексеев С. Т.

Живая вода / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2014

В книгу Сергея Алексеева "Живая вода" вошли шесть ранее не издававшихся произведений, однако часть из них уже была поставлена силами Вологодского Драматического театра и Русской Антрепризы. Душевным метаниям русских солдат, оказавшихся весной 1945 года перед труднейшим моральным выбором, посвящена трагедия "Жертва вечерняя". В центре комедии абсурда "Свадебное путешествие" героиня, обладающая главным женским талантом – любить. Драматические перипетии судьбы боярыни Морозовой воссоздаёт трагедия "Молился Богу сатана". В комедии "Верните бабушке ружьё" тесно переплетаются быт и нравы русских и украинцев, разделённых границей и пытающихся обрести свою национальную идентичность. Трагедия "Живая вода" основана на невероятной истории любви русского офицера и литовской снайперши, встретившихся в "горячей точке". Завершает сборник потеха "Клин клином" - о курьёзных взаимоотношениях мужчин и женщин.

© Алексеев С. Т., 2014

© Алексеев Сергей, 2014

Содержание

Жертва вечерняя	5
Действующие лица	6
Действие первое	7
Действие второе	23
Свадебное путешествие	37
Действующие лица	38
Действие первое	39
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Алексеев

Живая Вода

Жертва вечерняя

Трагедия XX века в двух действиях

Действующие лица

Сыромятный, фронтовой разведчик, старшина, 33 года.

Пронский, фронтовой разведчик, лейтенант, 21 год.

Фон Вальдберг, немецкий генерал, 60 лет.

Томас, сын немецкого генерала фон Вальдберга, 14 лет.

Действие происходит в 1945 году от Рождества Христова.

Действие первое

Картина первая

Конец апреля, ночь, яблони в цвету. Разбитый костёл на берегу реки Хафель. Высокие стены, верх снесён артиллерией. Из-под груд камня проглядывают совершенно уцелевшие детали старого храма. Хорошо виден высокий деревянный крест, но само гипсовое изваяние Христа разрушено. Торчат трубы органа, уцелевшие сиденья, утварь... Отдалённо слышны голоса, команды на немецком, пение и даже музыка. Какофония звуков и цветущие деревья. Появляются фронтовые разведчики – СЫРОМЯТНЫЙ и ПРОНСКИЙ, только что переплывшие через реку. Втаскивают с собой спущенную чёрную резиновую лодку. Оба мокрые с головы до ног, злые, озираются, ищут убежища.

ПРОНСКИЙ. Кажется, никого... Быстро выливаем воду, прячем лодку. Сыромятный?..

СЫРОМЯТНЫЙ. Не нравится мне здесь, лейтенант... Ловушка, замкнутое пространство. После Кёнигсберга терпеть не могу...

ПРОНСКИЙ *(выливает воду из сапог)*. Где замкнутое? Вон звёзды над головой светятся... Прячь лодку.

СЫРОМЯТНЫЙ. Почему тихо? Рядом такой бастион, а тут – как в могиле?

ПРОНСКИЙ. Второй эшелон обороны... расслабились. Да и американцы их почему-то не бомбят. Костёл разгрохали и всё.

СЫРОМЯТНЫЙ *(пинает лодку)*. Мать-их, второй фронт! Лодку подсунули... Мочевой пузырь, а не плавсредство. Не июль же, купаться... Только бы насморк не схватить.

ПРОНСКИЙ. Не ворчи... Поищи, где там дыра.

СЫРОМЯТНЫЙ. Что тут поищешь?.. Темно...

ПРОНСКИЙ. Надуй и послушай, где шипит.

СЫРОМЯТНЫЙ. Она вся шипит, змея... *(Слушает.)* Как назад поплывём? Да ещё с «языком», если повезёт...

ПРОНСКИЙ. Обязательно с «языком», старшина. Обязательно. Нам без «языка» в больших погонах лучше не возвращаться. Так что назад только втроём и со щитом.

СЫРОМЯТНЫЙ. С каким щитом?

ПРОНСКИЙ. Так говорили воины в Древней Греции. Значит, с победой. Или на щите. Они своих павших на щитах приносили.

СЫРОМЯТНЫЙ. Нет уж, на хрен, на щите не хочу. До конца войны, может, несколько часов осталось... *(Прислушивается.)* Что это они там? Гуляют, что ли? Слышь, поют? *(Отжимает одежду, чистит недовольно.)*

СЫРОМЯТНЫЙ. Бляха муха... Ещё и в крови уделался. С этого громилы фонтан ударил. Откормленный, сволочь, наверняка рожа красная, малокровием не страдал...

ПРОНСКИЙ. Тихо!.. Не пойму... Детские голоса или чудится?

СЫРОМЯТНЫЙ. Какие детские – бабы визжат. Надрались шнапсу, и дым коромыслом, развлекаются под конец. Устроить бы им похмелье... Может тут-то скажешь, чего нас в такой спешке погнали в это неприятное место? С бухты-баракты, скорей-скорей, без всякой подготовки. Да ещё лодку подсунули... Теперь мокрый до ушей, зуб на зуб. Уж скоро войне конец, а у нас всё ещё бардак авральный.

ПРОНСКИЙ *(подаёт фляжку)*. Намёк понял. Но не больше двух глотков. Спирт.

СЫРОМЯТНЫЙ (*решительно*). Нет, лейтенант, я без закуски не могу даже ради здоровья. Не привык. Если выпил, мне обязательно пожрать надо. И хорошо... Но ловлю на слове – два глотка из фляги мои. Когда переплывём на свою сторону.

ПРОНСКИЙ. Нет, не дети, точно подростки. Слышишь? Ломкие голоса. Гитлерюгенд, что ли?

СЫРОМЯТНЫЙ. Такой гитлерюгенд, такие псы... Видал каких часовых сняли? Бугаи-осеменители, наверняка из спецбригады СС. Набрали баб и гуляют.

ПРОНСКИЙ. Это никак не женщины...

СЫРОМЯТНЫЙ. Эх, лейтенант... Много ли ты женских голосов-то слышал? А я по одному визгу могу сказать, в какой она сейчас стадии и в какой позе. Тут большими погонами и не пахнет. Они, конечно, мордороты, но всё мелочь.

ПРОНСКИЙ. Есть тут большие погоны, есть...

СЫРОМЯТНЫЙ. Так может, скажешь, я как-то не привык ходить за «языками» в тёмную. Одного заказного офицера притаскивал, секретчика-шифровальщика. А чтобы с большими погонами... Это что, полковник?

ПРОНСКИЙ. Возьмём – увидишь.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну полный атас, лейтенант!.. Эти большие погоны что, вот здесь будут находиться? В этот костёл припрутся? Или кто-то из ихних чинов сдать в плен решил?

ПРОНСКИЙ. Нет, этот сдаваться не будет. И голой рукой его не возьмёшь.

СЫРОМЯТНЫЙ. Слушай, Серёга, я же не девочка, чтоб меня интриговать. Или уж такой секрет?

ПРОНСКИЙ. Секрет, старшина... Да ты не обижайся. Наш человек, который поставляет информацию из логова... рискует. Малейшая утечка – голова слетит мгновенно.

СЫРОМЯТНЫЙ. Да я понимаю, приходилось даже одного такого спасать. И не спасли, троих своих положили, и даже тел не вынесли... Здесь мне тоже ну жутко не нравится. Предчувствие нехорошее, а я ведь, лейтенант, как зверь... Беду заранее чую. Хоть засекреться... И ухажу от неё, почему и жив до сих пор.

ПРОНСКИЙ. Нам придётся здесь сидеть. Хоть до утра.

СЫРОМЯТНЫЙ. Тёмный парень ты, лейтенант... Неужели ты мне не можешь доверять? Через реку на этой хреновине поплыл, жизнь доверил...

ПРОНСКИЙ. Да нет, просто много будешь знать, скоро состаришься.

СЫРОМЯТНЫЙ. Я и так старый. Битый и старый волчара. Мне уже тридцать три года!

ПРОНСКИЙ. Вот как? Надо же, возраст Иисуса Христа.

СЫРОМЯТНЫЙ. Почему Христа-то?

ПРОНСКИЙ. Потому что его в твоём возрасте распяли вот на этом кресте. (*Показывает.*) Считается, в эти годы приходит зрелость, высший расцвет души и разума. Пора совершать подвиги во имя веры.

СЫРОМЯТНЫЙ. Роковой возраст...

ПРОНСКИЙ. А знаешь, какой сегодня день? И вообще вся неделя? По католическому календарю?

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну давай, блесни, лейтенант. Ты же образованный, начитанный...

ПРОНСКИЙ. Пасхальная. А день – чистый четверг.

СЫРОМЯТНЫЙ. Поэтому и накупались... Чего ты вспомнил вдруг?

ПРОНСКИЙ. Да так. Иисуса Христа вспомнили, соответственно и...

СЫРОМЯТНЫЙ. А давай, лейтенант, баш на баш?

ПРОНСКИЙ. Это в каком смысле?

СЫРОМЯТНЫЙ. Ты мне голову не морочишь секретами, а я тебе тоже... один секрет открываю. Между прочим, касается твоей личности. Понимаешь, я должен знать, что получу

от такой операции. Знать, к чему готовиться. К звезде, например, золотой – на грудь, или деревянной – на могилу. А то всё думаю – умру и не успею прочувствовать, подготовиться.

ПРОНСКИЙ. Откуда такая практичность?

СЫРОМЯТНЫЙ. Я же детдомовский, прошёл школу выживания... Буду знать – прикину, приборшу, глядишь, моя пуля мимо просвистела. Ну что, годится баш на баш?

ПРОНСКИЙ. Плохо знаю тебя, старшина... На это дело хотел другого взять, но рекомендовали тебя. Можно сказать, всучили. Да ты не обижайся, рекомендации самые роскошные. Говорят, ты тридцать девять «языков» притащил за три года...

СЫРОМЯТНЫЙ. Зато я знаю, почему всучили. И о тебе кое-что знаю... Например, то, что ты по своему социальному происхождению чуждый элемент.

Шум, веселье усиливается, восторженные детские крики на немецком. Оба прислушиваются.

ПРОНСКИЙ (*между прочим*). Какой элемент?

СЫРОМЯТНЫЙ. Представитель чуждого класса. Аристократ. Князь Пронский. Всё время думал, ты просто Серёга Пронский, скороспелый лейтенант с десятилеткой. А ты аж целый князь!

ПРОНСКИЙ (*настороженно*). Вообще-то, старшина, этого ты знать не должен...

СЫРОМЯТНЫЙ. Не должен, а знаю. Князь!.. Кстати, первый раз в жизни вот так с князем разговариваю. Любопытно... И только сейчас начал присматриваться... А ведь похож, что-то есть. Вроде как породистый.

ПРОНСКИЙ. Не простой ты, старшина...

СЫРОМЯТНЫЙ. А уж какой ты не простой – слов нет... (*Пауза.*) Ладно, даю фору. Если ты своих секретов не откроешь, я всё равно открою свой. Как на духу. Потому что не привык ходить с человеком за линию фронта и носить ещё камень за пазухой. Эдакий булыжник – оружие пролетариата. Оно ничего, но к земле тянет и трёт.

ПРОНСКИЙ. Нет, я тебе открою. Есть у меня привычки. Уважать чужие обычаи, например... В общем так. На этот участок обороны явился генерал фон Вальдберг, начальник всего северо-восточного укрепрайона. Приехал тайно сегодня под вечер и будет здесь до утра. С одним шофёром, без обычного эскорта. Совершенно неясно, зачем. Представляешь, если его вытрясти? Сколько мы солдатиков спасём при штурме? Не одну тысячу. Другого случая взять такого «языка» больше не предвидится. Потому и спешка. Информация пришла три часа назад.

СЫРОМЯТНЫЙ. Погляди ты!.. Я думал бардак, а тут... И что, придёт в костёл?

ПРОНСКИЙ. Придёт или нет, но интересовался костёлом. И весьма активно.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ёкарный бабай! Как работать научились... Потому и часовых выставили из спецбригады СС... Теперь ясно, почему не Остапенко пошёл, а тебя на это дело пихнули. Если приставка – фон, значит, генерал этот из благородных, так?

ПРОНСКИЙ. Барон, военная косточка...

СЫРОМЯТНЫЙ. А ты – князь. Это значит, чтобы аристократа брал аристократ, верно?

ПРОНСКИЙ. Я так не думал...

СЫРОМЯТНЫЙ. А я сразу прибрассываю! Логика – наука железная. Холоп холопа, князь князя. Наши тоже начали соображать в этих нюансах. Да и немецкий ты знаешь...

ПРОНСКИЙ. Генерал говорит по-русски. Учился в московской академии, ещё в двадцать седьмом...

СЫРОМЯТНЫЙ. Выучили на свою голову... И чего ему надо в этом костёле? Хоть бы крыша была...

ПРОНСКИЙ. Не знаю... Может, просто помолиться приехал перед Пасхой. Война-то проиграна, а вдруг он верит, допустим, в чудодейственность этих стен?

СЫРОМЯТНЫЙ. А, ну да, вы же, князя-бояре, все с заморочками. Только вот хрен что вымолит! Голову гадине, считай, свернули! Пора им всем топтать в подземные войска... (Вдруг.) Да, лейтенант, озадачил!

ПРОНСКИЙ. Сам просил.

СЫРОМЯТНЫЙ. Так он же в любую минуту может нагряться?

ПРОНСКИЙ. Страшно стало?

СЫРОМЯТНЫЙ. Кому? Мне?.. Ну, лейтенант!.. Я прибрассываю, как дело повернуть с умом. Не провернём – нас отсюда живыми не выпустят.

ПРОНСКИЙ. Надо повернуть, старшина. Такого «языка» один раз за всю войну берут.

СЫРОМЯТНЫЙ. Это у меня сороковой будет...

ПРОНСКИЙ. Говорят, сороковой – «язык» роковой.

СЫРОМЯТНЫЙ. А, я в это не верю, всё фигня! Тут главное предусмотреть и вовремя почуять опасность... Вот костельчик этот мне определённо не по душе.

ПРОНСКИЙ. Почему?.. Крыши нет, так даже хорошо. Звёзды над головой и Господь Бог, больше ничего не мешает. Молитвы услышаны будут...

СЫРОМЯТНЫЙ. Хреново, лодка спускает, всю дорогу опять дуть придётся. Он тяжёлый, не знаешь? Генерал-то?

ПРОНСКИЙ. Старый, знаю. Вес не сообщили. Рост тоже...

СЫРОМЯТНЫЙ. Старый, значит разелся, тяжёлый... Если здоровый бычара, туго нам придётся с нашим американским десантным кораблём. Потонем на хрен вместе с бароном.

ПРОНСКИЙ. Ничего, у тебя дыхалка мощная, дуть будешь, пока плывём.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну и роль ты мне отвёл...

ПРОНСКИЙ. Мне кажется, Сыромятный, у тебя есть ещё одна роль, своя собственная.

СЫРОМЯТНЫЙ (не сразу). Есть, лейтенант... Сволочная, прямо скажем. Для твоего княжеского уха, так и вовсе подлая. Перед тем, как нас в пару послать, имел я беседу с одним майором из Смерша... Да видел ты его, в штабах всё крутится, такой бровастый и шнобель – во! Чтоб нюхать...

ПРОНСКИЙ. Видел, очень даже симпатичный смершовец, воспитанный, интеллигентный...

СЫРОМЯТНЫЙ. Этот интеллигент и дал мне задание сексотить за тобой. Говорит, присмотри за лейтенантом, потом доложишь в письменном виде каждый его шаг. Мол, по той причине, что не наш он человек, Пронский, а принадлежит к известному княжескому роду.

ПРОНСКИЙ. Спасибо за откровенность, старшина. Разумеется, сексотить ты отказался?

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну да, откажись у него, попробуй. Сам загремишь, будто и не водил «языков» из-за линии фронта.

ПРОНСКИЙ. Не ожидал...

СЫРОМЯТНЫЙ (по-свойски). Ты не расстраивайся... князь! И этого надерём, видали мы Смерш и интеллигентнее. Главное с генералом вернуться. Я ему такое напишу – от зависти сдохнет. Однажды он на Остапенко попросил написать, так я поэму сочинил – сразу орден дали. А так всё не давали, всё документы наградные терялись, потому что Остапенко из Западной Украины.

ПРОНСКИЙ. Не понял ты, Сыромятный... Конечно, обижаться на Смерш, это всё равно, что обижаться на холодную воду в реке. Но обидно! Три года на фронте, два ордена... А какой-то майор тебя всё время держит под присмотром.

СЫРОМЯТНЫЙ. Наплевать и растереть. Пошёл он в пим дырявый! Не тебя одного нюхает, не обидно... Да и не княжеское это дело – обижаться на таких козлов. Будь я князь – такое быдло в гробу видал!

ПРОНСКИЙ. Понимаешь, всё время приходится доказывать, что есть... как бы само собой, от природы. Например, любовь к Отечеству. Когда просился в офицерскую школу... И

потом, когда в окопы попал... Я о своём происхождении сам-то узнал, только когда на фронт уходил. Отец стал прощаться и сказал... Родители скрывали, даже фотографии прятали... Доказывать и доказывать! Всегда быть смелее всех, отважнее всех. Это называется, комплекс неполноценности.

СЫРОМЯТНЫЙ. Да не бери ты в голову, Серёга! Знать, что расстроишься – не сказал бы... Но бульжник мне за пазухой трёт!

ПРОНСКИЙ. Молодец, что сказал, спасибо. А то я каждый раз думаю, что давно доказал... Но нет, видимо, за всю жизнь не докажешь.

СЫРОМЯТНЫЙ (*отвлекает*). Тихо в саду становится... Патруль порядок наводит. Пока мы базарим – генерал явится...

ПРОНСКИЙ. Это верно, старшина. Давай по местам. Ты – у входа. Войдёт – пропустишь. Остальное – дело моё.

СЫРОМЯТНЫЙ. Если охрана? Какой-нибудь жлоб из СС?

ПРОНСКИЙ. Всё равно. Перекрой вход и всё... А я стану доказывать любовь к Отечеству. Ни в коем случае не стрелять.

СЫРОМЯТНЫЙ. Может, на подходе, в саду взять? Там просторнее...

ПРОНСКИЙ. Только здесь. Стены хоть и чужие, а помогут. Да и Господь над головой...

Оба скрываются – Пронский неподалёку от разрушенного распятия, Сыромятный – у входа. Затемнение, пауза.

Картина вторая

В саду перед костёлом появляются фон Вальдберг и Томас – толстый, раскормленный юноша в полевой форме солдата вермахта и железной каске, без оружия. Типичный гитлерюгенд, но генеральский сынок. Генерал одет в полевую форму, сверху – кожаный плащ без знаков отличия и шляпа. Идут прогулочным шагом, неторопливо беседуя на ходу по-немецки.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Ты не похудел на фронте, Томас. Вас хорошо кормят?

ТОМАС. Нет, мой генерал. Кормят очень плохо. Но мы шутим, веселимся, и это притупляет чувство голода.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. В крепости хранились большие запасы продуктов...

ТОМАС. Солдаты говорят, если не будет пищи, мы съедим толстого поросёнка.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Кого?

ТОМАС. Толстого поросёнка. То есть, меня, мой генерал.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Ты же понимаешь, это шутка. Обыкновенная солдатская шутка.

ТОМАС. Я понимаю, мой генерал. Временные трудности со снабжением...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Это вечное чувство голода... Моей мечтой был кусочек шпика... Помнишь, с красным перцем и прослойкой мяса? Вам дают шпик?

ТОМАС. Да, мой генерал. Один маленький кусочек в день, но без перца и мяса. И очень жёлтый.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. А я помнил с перцем, видел во сне. И думал о нём, даже когда русская артиллерия обстреливала наши окопы. (*Останавливаются у входа в костёл.*) Однажды снарядом убило лошадь из нашего обоза, тощую и замороженную лошадь. Мои солдаты резали от неё мясо, варили и ели. Я не мог, воняло потом и ещё... в воображении видел кусочек шпика. Солдаты называли это ... грязным словом, обзывали аристократом и ели конское мясо...

ТОМАС. В крепости нет коней, мой генерал. Мы бы тоже ели...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Почему ты называешь меня по званию?

ТОМАС. Нас обучали... Я привык... папа.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Вид у тебя... не совсем здоровый. Это ожирение мне не нравится. Вас осматривает доктор?

ТОМАС. Доктор говорит, мне следует много маршировать на плацу, чтобы похудеть. Плохое питание мне полезно. Я вообще не думаю о пище.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. О чём же ты думаешь на войне?

ТОМАС. О том, что вижу и чувствую в данную минуту... мой отец.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Когда я был солдатом, всё время думал о пище... А что ты сейчас чувствуешь, Томас?

ТОМАС. Я боюсь, они съедят меня. Поэтому стараюсь ничего не есть, чтобы похудеть. Я уже целую неделю пью одну воду. Если я стану худой, как все, то меня не съедят. И я останусь жив.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Но нельзя совсем отказываться от пищи, Томас!

ТОМАС. Можно, чтобы сохранить жизнь.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*взволнованно*). Ты... солдат, и должен есть, чтобы быть сильным, чтобы...

ТОМАС (*после паузы*). Да, мой генерал.

Проходят мимо костёла, на ходу.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Не могу обманывать, мой мальчик. И не могу сказать всей правды... Есть следует, чтобы просто жить. Просто выжить... Ты можешь умереть от голода!

Скрываются за углом. Показывается у входа Сыромятный, громким шёпотом.

СЫРОМЯТНЫЙ. Лейтенант?... Это он? Слышь? По стати – генерал, только в цивильном.

ПРОНСКИЙ. Спокойно, это он.

СЫРОМЯТНЫЙ. А это что за чучело с ним? Охрана? Шофёр?

ПРОНСКИЙ. Тихо... Не шуми.

СЫРОМЯТНЫЙ. В бога душу... А если уйдёт? Лейтенант?

ПРОНСКИЙ. Не уйдёт... Заметил, как на костёл смотрел?

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну, лейтенант!.. Говорил, давай в саду возьмём. В руках бы уже был.

ПРОНСКИЙ. Далеко не уйдёт, там забор... Скоро вернётся.

СЫРОМЯТНЫЙ. Слышь, они о чём базарят?

ПРОНСКИЙ. Ты что в школе делал? Надо было язык учить...

СЫРОМЯТНЫЙ. Рожей не вышел языки учить... А кто это с ним?

ПРОНСКИЙ. Сын, гитлерюгенд. Его поздний сын...

СЫРОМЯТНЫЙ. Кто?! Сын? Это его сын?

ПРОНСКИЙ. Да, зовут Томас.

СЫРОМЯТНЫЙ. Папашка!.. Генерал, не мог сынулю спасти от мобилизации?

ПРОНСКИЙ. Не знаю, наверное не мог.

СЫРОМЯТНЫЙ. А ты удачливый, князь. Я как-то и не надеялся... Ё-моё! Притащим генерала – по звезде на грудь.

ПРОНСКИЙ. Кому по звезде, а кому по...

СЫРОМЯТНЫЙ. Только бы не ушли. А чую – будут звёзды.

ПРОНСКИЙ. Ты сначала притащи.

СЫРОМЯТНЫЙ. Выходит, генерал к сынку-волчонку на свидание приехал? Потому и тайно? Ах, сука...

ПРОНСКИЙ. Похоже на то, посмотрим. Они давно не виделись...

СЫРОМЯТНЫЙ. О чём говорят-то?

ПРОНСКИЙ. О еде говорят.

СЫРОМЯТНЫЙ. Видно, пожрать они оба не любят. Сынок-то с папашку весом...

ПРОНСКИЙ. Генерал рассказывал, как голодал в окопах. На первой мировой, что ли. А сын какой-то заторможенный, как больной.

СЫРОМЯТНЫЙ. Главное, охраны нету. И патруля близко не слышать. Везуха! Только бы не сплзнуть.

ПРОНСКИЙ. А может, попрощаться приехал, с фронта...

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну дела... Тихо! Кажется, идут назад. Сейчас приголубим.

ПРОНСКИЙ. Всё по моей команде. Своё место знаешь.

СЫРОМЯТНЫЙ (*с обидой*). Знаю, мог бы не тыкать носом... Аж сразу тепло стало, согрелся. Но два глотка мои!

Появляются ФОН ВАЛЬДБЕРГ и ТОМАС, шаг более энергичный, останавливаются у входа.

ТОМАС. Я говорил, отец. Костёл разбит американской авиацией.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Это не имеет значения. Русские говорят, даже в разрушенном и покинутом храме идёт служба...

ТОМАС. Там давно нет священника. Уехал сразу после бомбёжки.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. В этом костёле можно молиться без священника.

ТОМАС. Слушаюсь, мой генерал!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*после горькой паузы*). Это же тот самый костёл, в котором всё и произошло. Нас услышит Дева Мария. Если искренние молитвы будут произнесены в этот праздничный день. Если быть точным, в эту праздничную ночь. Ты умеешь искренне молиться, Томас?

ТОМАС. За нас молится фюрер...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*после паузы*). Господь нас всех лишил разума.

ТОМАС. Что вы сказали, мой генерал?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Идём в костёл. Только оружие следует оставить у входа, на ступенях. Где твоё оружие?

Генерал вынимает пистолет, кладёт на ступени.

ТОМАС (*смущённо*). Я оставил его у амбразуры... Там, в крепости.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. А следует всегда носить с собой.

ТОМАС. Я не могу носить оружия, мой генерал.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*вдруг*). Не понимаю... Это твои убеждения, Томас?

ТОМАС. Пулемёт очень тяжёлый, станковый. Но я убеждён, когда пойдут русские, смогу переносить его не только от амбразуры к амбразуре, но даже на другой этаж.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*не сразу*). Господь лишил нас разума...

Оба входят в костёл, присаживаются на камни у поверженного распятия в глубине храма.

СЫРОМЯТНЫЙ (*шёпотом*). Берём, лейтенант!.. Идиоты, разоружились!

ПРОНСКИЙ. На место! (*Внимает нож.*) Смотри, чтоб патруль не наскочил. Брать буду сам.

СЫРОМЯТНЫЙ. Не княжеское это дело...

ПРОНСКИЙ. Как раз княжеское...

СЫРОМЯТНЫЙ (*не добро*). Ну, смотри, светлейший, не обделайся.

ПРОНСКИЙ. Чем ты не доволен?

СЫРОМЯТНЫЙ. Иди, доказывай любовь. Иди...

Пронский осторожно пробирается к молящимся. Возникает рядом с Томасом, хватая его, приставляет нож к горлу.

ПРОНСКИЙ (*по-немецки*). Молчать, генерал. Один звук и я убью его.

Пауза. Генерал распрямляется, стоит в позе выжидания, хладнокровен, полное достоинство.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-немецки*). Услышал нас Господь...

ПРОНСКИЙ. Услышал и послал... Ложись. Лицом вниз. Быстро.

ТОМАС (*вдруг*). Мой отец! Нас услышал Господь?.. Что это?.. Почему меня...

Пронский зажимает ему рот. Генерал медленно ложится вниз лицом, но смотрит, что с сыном, косится. Пронский ловко вяжет Томаса, кляп – в рот, чёрный мешок – на голову. Затем укладывает на пол, приступает к генералу и проделывает то же самое, только без мешка. Сыромятный подходит к шапочному разбору, подбирает и надевает на свою голову шляпу генерала.

ПРОНСКИЙ. Поведёшь генерала. Я возьму мальчишку и лодку, пойду сзади.

СЫРОМЯТНЫЙ (*садится*). Не спеши, лейтенант, слишком резвый ты... А пойдёт генерал?

ПРОНСКИЙ. Приказ слышал? Не пойдёт – на горб и вперёд!

СЫРОМЯТНЫЙ. Слышал... Только как ты повезёшь их на этой душегубке? Втроём на ней едва ли переплывём. Куда четвёртого? Сынулю генеральского?

ПРОНСКИЙ (*после паузы*). Что ты предлагаешь?

СЫРОМЯТНЫЙ. Что я предлагаю!.. Если рассудить здраво – плыть втроём. Вот и всё. Без лодки, вразмашку – вода ледяная, через пару минут судороги и на дно.

ПРОНСКИЙ. Может, поднимет четверых?

СЫРОМЯТНЫЙ. Забыл, как мы сюда мурцовку хлебали? Это вдвоём. Да ещё спускает, курва... В пацане сколько весу? Пять пудов, не меньше!

ПРОНСКИЙ. Придётся в два рейса, другого выхода нет.

СЫРОМЯТНЫЙ. Не успеем, лейтенант. Через час светать начнёт и туман совсем жиденький. Хоть бы с одним нормально поспеть, чтоб не засекали на воде. Всё-таки, разлив, полкилометра и течение.

ПРОНСКИЙ. Надо было взять нормальную лодку! Деревянную.

СЫРОМЯТНЫЙ. Где бы мы её спрятали тут? На берегу – ни кустика и патруль шныряет. У вас, князей, вечно холоп виноват.

ПРОНСКИЙ. Да, ты прав, старшина... Что же делать?

СЫРОМЯТНЫЙ. Думай, ты начальник. Сам возьму, сам возьму... Взял, теперь думай.

ПРОНСКИЙ. Какие плавсредства можно найти? Доски, брёвна?..

СЫРОМЯТНЫЙ. Где тут видел доски и брёвна на берегу? Это Германия, куска дерева не найдёшь. Не то, что у нас...

ПРОНСКИЙ (*после паузы*). Получается загадка: волк, коза и капуста...

СЫРОМЯТНЫЙ. Всегда так получается, если кто-нибудь один на себя одеяло тянет. На хрена ты второго «языка» брал? Спрашивается, на кой он ляд, этот гитлерюгенд?

ПРОНСКИЙ (*возмущённо*). Ну всё, хватит, Сыромятный. Надо искать выход.

СЫРОМЯТНЫЙ. А не надо было второго брать!

ПРОНСКИЙ. Как же – не брать? Куда его?

СЫРОМЯТНЫЙ. Как первый раз замужем! Куда...

ПРОНСКИЙ. Они же – отец и сын.

СЫРОМЯТНЫЙ. У них что, на лбу написано? Сын... В немецкой форме – значит солдат противника.

ПРОНСКИЙ. Я слышал, как они разговаривали, называли друг друга. Это отец и сын.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну тогда прихвати с собой его мамашу, бабу и деда. В плен всей семьёй-фамилией.

ПРОНСКИЙ. Кончай ёрничать, старшина!

СЫРОМЯТНЫЙ. Ага, ты ещё покричи и ногами потопай. Может, немцы проснутся и прибегут... Привыкли орать на холопов.

ПРОНСКИЙ. А что ты взъелся? Надо «языков» переправлять на ту сторону, а не базарить. Знал бы, что ты такой...

СЫРОМЯТНЫЙ. Какой – такой? Ну-ка, ну-ка... Кто дёрнулся – сам возьму?

ПРОНСКИЙ. Тебе обидно стало? Испугался, звезды не дадут? Дадут, не волнуйся.

СЫРОМЯТНЫЙ. Я и не боюсь. Только если бы брали вместе, такого идиотства я бы не допустил. Пацана в расход – генерала взяли. Вот и всё. Сейчас бы уже плыли.

ПРОНСКИЙ. Он же совсем... мальчишка, лет тринадцать.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну да, такие мальчишки с фаустпатронами в Кёнигсберге наших танкистов палили – только шуба заворачивалась.

ПРОНСКИЙ (*смотрит на Томаса*). Значит, его в расход?

СЫРОМЯТНЫЙ. А куда ещё?.. Конечно, можешь усыновить зверёныша, соплю ему вытирать.

ПРОНСКИЙ (*после паузы*). Теперь как-то уже трудно...

СЫРОМЯТНЫЙ. Вот это я и имел в виду. Противника надо уничтожить в бою. Тебя чему учили?

ПРОНСКИЙ. Резать пацанов меня не учили.

СЫРОМЯТНЫЙ. Правильно. Когда взял в плен и рассмотрел, что это пацан. Не взял бы, так всё в порядке. Пазганул ножом и не заметил...

ПРОНСКИЙ (*медленно*). Слушай, старшина... Мне его сейчас ... не убить. Из автомата бы... А ножом – не смогу.

СЫРОМЯТНЫЙ. Конечно, у тебя же княжеское воспитание. Благородство, честь... Что ещё там? А у нас, у быдла – примитивные чувства. Мы можем.

ПРОНСКИЙ. Что ты пристал? Нас одинаково воспитывали.

СЫРОМЯТНЫЙ. Тогда не рассусоливай. Отведи подальше в угол и... Докажи любовь к Отечеству.

Пауза. Пронский встряхнул Томаса, посадил его на пол. Тот смотрит куда-то мимо, на распятие. Генерал мычит.

ПРОНСКИЙ. Нет, не смогу... Да ещё здесь.

СЫРОМЯТНЫЙ. Значит, мне прикажешь?.. Сам ты пацан ещё, а не вояка.

ПРОНСКИЙ. Приказать... Приказывать не буду. Прошу... Надо что-то делать. Время теряем.

СЫРОМЯТНЫЙ. А я будто каждый день таких пацанов бью, да?

ПРОНСКИЙ (*не сразу*). Старшина... Может. Отпустим его?

СЫРОМЯТНЫЙ. Конечно, сейчас. Отчалить не успеем, как накроют.

ПРОНСКИЙ. Уведём на берег... Привяжем где-нибудь и отчалим.

СЫРОМЯТНЫЙ. Там у них патруль и боевое охранение. Найдут – труба. Не доведём генерала. А мне как-то не хочется перед концом войны немецких раков кормить. Инструкция разведки написана кровью между прочим. Этому уж точно тебя учили. Заканчивай канитель.

ПРОНСКИЙ. Давай здесь привяжем и пусть сидит (*ищет, к чему привязать, трогает крест – тот падает на стену*).

СЫРОМЯТНЫЙ. Ага, ты его к кресту привяжи!

ПРОНСКИЙ (*вдруг*). Как странно всё... Конец войны, крах фашизма, начало новой эры... И почему-то когда меняется идеология, гибнут дети. Взрослые убивают детей. С этого начинается всякая новая идеология.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ты что там мелешь?.. Каких детей?

ПРОНСКИЙ. Когда родился Иисус Христос, царь Ирод приказал убивать всех маленьких детей.

СЫРОМЯТНЫЙ. Чего-чего?..

ПРОНСКИЙ. Царь Ирод приказал истребить всех младенцев. Чтобы уж наверняка убить Христа.

СЫРОМЯТНЫЙ. Тьфу!.. Это что, из Библии?.. Мать твою... Я думал, у тебя мозги поехали... А причём здесь идеология?

ПРОНСКИЙ. Ну ведь Христос нёс новую веру. Вера – это и есть идеология.

СЫРОМЯТНЫЙ. Не знаю... Я не верующий, и за плечами – семилетка и комсомол. Нашёл что вспоминать... Это когда было?

ПРОНСКИЙ. В революцию тоже больше всего гибли дети.

СЫРОМЯТНЫЙ. Это можешь мне не рассказывать. Я сам – из беспризорников.

ПРОНСКИЙ. Тем более... Большевики внедряли новую идеологию и губили детей.

СЫРОМЯТНЫЙ (*после паузы, вдруг*). Лейтенант, я этого не слышал, а ты не говорил. Понял – нет?

ПРОНСКИЙ. Теперь будет новая Германия, а снова убивают младенцев...

СЫРОМЯТНЫЙ. Где ты тут видишь младенцев?

ПРОНСКИЙ. Он как младенец. Он же ничего не понимает. Какой-то заторможенный...

СЫРОМЯТНЫЙ. Недоделанный!.. Погляди на папашку-генерала? Сколько ему лет? В таком возрасте всегда такие недоделанные и получаются. Закон природы.

Генерал мычит сильнее, ёрзает. Сыромятный опрокинул его ногой, наступил.

СЫРОМЯТНЫЙ. Лежи, ты своё отвоевал.

ПРОНСКИЙ. Был бы злой – ничего... А то сидит, как птенец.

СЫРОМЯТНЫЙ. Давай, желей, дави слезу... Философ.

ПРОНСКИЙ. Сегодня же – пасхальная неделя по католическому календарю.

СЫРОМЯТНЫЙ. Всё, хватит! Пошёл ты!.. (*хватает Томаса за шиворот*). Ладно, князь!.. Ты не можешь – я могу. Я всё могу! Потому что пока ты мочалку жуёшь – время уходит. Через час светать начнёт. Не дай Бог, туман подымется... А я жить хочу, понял? Звезды мне не надо – ни золотой, ни деревянной. Жить хочу. И мне трубу с прибором положить на этого сосунка. Эти недоноски, между прочим, – добровольцы, потому и кусаются, как волчата. А вырастут – резать начнут. Сиди тут, размышляй, философствуй, разведчик хренов! В жисть с тобой больше не пойду!

ПРОНСКИЙ. Что это ты вдруг решился? Мог бы сразу, не тянул.

СЫРОМЯТНЫЙ. А хотел поучить тебя, пацана! Чтоб ты в следующий раз хвост не поднимал. Сидел и поджимал, когда я говорю. И не дёргался поперёд батьки в пекло, герой.

Фон Вальдберг мычит, пытается встать.

СЫРОМЯТНЫЙ (*уходя*). Держи этого! Чёрная работа – холопу. Сам ни украсть, ни покараулить.

Отводит Томаса в сторону, достаёт нож.

ПРОНСКИЙ. Только не здесь, старшина. Уведи куда-нибудь!

СЫРОМЯТНЫЙ. Он ещё приказывает!

ПРОНСКИЙ. Приказываю!

СЫРОМЯТНЫЙ. Чего-о?.. (*Возвращается.*) Я сказал – не подымай хвост!

ПРОНСКИЙ (*жестко*). Уведи из храма. В саду никого нет. Нельзя в храме. Мы же люди всё-таки...

СЫРОМЯТНЫЙ (*уходит из храма*). Ещё и условия ставит. Спасибо бы сказал... *Исчезает вместе с Томасом. Пауза.*

Картина третья

Генерал встал на колени, мычит, пытается двинуться вслед.

ПРОНСКИЙ. А ты же русский знаешь, понял, куда повели... Не нравится?

Фон Вальдберг хрипит, валится на бок. Пауза. Пронский поднимает его, трясёт – будто он мёртвый. Выхватывает кляп, бьёт по щекам, приводит в чувство, смотрит глаза.

ПРОНСКИЙ. Этого ещё не хватало!.. Отдашь Богу душу. Эй?.. Вроде, только сознание потерял. Не генерал – красна дева... Впрочем, понятно.

Генерал приходит в себя, сумасшедшие глаза.

ПРОНСКИЙ (*по-немецки*). Закономерный исход, генерал. Вы ожидали другого, когда убивали наших... парней?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*вдруг по-русски, с акцентом*). Это мой сын! Это мой последний сын. Больше никого нет. Не убивайте мальчика...

ПРОНСКИЙ. А, заговорил... Поздно вспомнил русский.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Нет поздно! Нет поздно! Остановить! Мой сын Томас! Последний сын!

ПРОНСКИЙ (*зажимает ему рот, озирается*). Не кричи. Поднимешь тревогу – и тебя туда же. Молчать (*По-немецки*.) Молчать. Приказываю молчать.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я старый, убейте меня – оставьте сына. Он – маленький. Томас совсем юный, тринадцать лет.

ПРОНСКИЙ. Ничего не выйдет, генерал... Ты – нужен, твой сын – не нужен. Такая необходимость. Война (*По-немецки*.) Война.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*полубезумно*). Последний сын... Поздний сын... Нет поздно! Остановить. Спаси! О, дева Мария! Останови! Люди не слышать – ты слушать! Имя Твоего Сына – спаси Томаса!

ПРОНСКИЙ. Это надёжнее, генерал. Просите деву Марию...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Он совсем юный, маленький. Спаси?.. Не делал зла. Не успел. Святая Дева! Карай меня, я грешен – его оставить на земле. Томас – ангел!.. Всемогущая! (*По-немецки*.) Не лишай меня единственного сына. Неужели возьмёшь Томаса за грехи мои?

ПРОНСКИЙ. Прекрати, генерал, и так тошно. Молчать, я сказал!.. За твои грехи, за твои карает. А наши матери не молились, когда ты бил наших ребятишек? Вот тебе наказание, получай! Своего жалко, да? Он – чистый и безгрешный. А когда сам губил чистых и безгрешных, думал, что творишь?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*вдруг*). Слышать голос! (*По-немецки*.) Я слышу голос!

ПРОНСКИЙ. Ну, слушай, слушай...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*радостно*). Пресвятая Дева будет остановить смерть! (*По-немецки*.) Томас будет жить! Она спасёт! Она пощадит моего сына!

ПРОНСКИЙ (*себе*). Всё, с тормозов сорвался, генерал... Жди, спасёт. Сойдёт с ума, что с ним потом делать?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-немецки*). Благодарю тебя, Езус Мария. Клянусь, никогда не возьму в руки оружия. Никогда не позволю сделать это моему сыну Томасу. Мой род отвергает оружие во имя тебя! И будет служить только тебе, пресвятая Дева! Навсегда с тобой!..

ПРОНСКИЙ (*себе*). Смотри, беседует... Точно повредился... Генерал фон Вальдберг? Вы меня слышите?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-русски*). Я слышу голос Девы Марии! Томас будет спасён!

ПРОНСКИЙ. Да – да, спасён... А меня слышите?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. И вас слышу. Но вы – здесь, а она – там, на небеса. И я есть между небо и земля (*Показывает на крест*.) Голгофа, распятие...

ПРОНСКИЙ. Возвращайтесь на землю, генерал. Вы захвачены в качестве пленного, советское командование гарантирует жизнь.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Езус Мария гарантировал жизнь Томаса.

ПРОНСКИЙ. Значит, всё в порядке, кругом одни гарантии...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Господин офицер... Я клялся... Дева Мария служить. В благодарность... счастливый избавления смерть Томас.

ПРОНСКИЙ. Ты бы раньше пошёл ей служить, вообще может и войны не было.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Хотел снять мундир. Имел желание развязать руки, снять мундир.

ПРОНСКИЙ. Ничего себе, заявки... Это как понимать?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Мундир – третий рейх, плохо. Служить Господу.

ПРОНСКИЙ. А, понял. Но придётся в мундире плыть, при регалиях. Чтобы видно было – генерал. А то быстро у вас: раз – и перекинулся на другую службу, форму сменил. Голос услышал и сменил. Как самочувствие? С рассудком, имею в виду?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Сейчас я имею отличный самочувствие.

ПРОНСКИЙ. Хорошо... Скажите, генерал, почему вы пришли в этот костёл? Услышать голос Девы Марии?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*вспоминает*). О, нет, господин офицер. Этот костёл – память. Чудо... Чудо...

ПРОНСКИЙ. Чудотворный?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Да-да! Здесь я... венчался мать Томас, Ингрид. Тайно сочетал брак. Имел осуждение рода Вальдберг. Ингрид – юный, семнадцать год и нет аристократ. Есть молодост, нет аристократ.

ПРОНСКИЙ. Почти романтическая история...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Мы жили четыре года. Я очень хотел сын, а Ингрид... Она не могла зачать дети. Это есть проклятие – нет дети. Мы приехали костёл, ночью молились и принесли жертва – фамильные ценность, золото.

ПРОНСКИЙ. И помогло?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*ностальгически*). О, да! Ингрид стал счастливой. Она веселилась, смеялась... Рос большой живот!

ПРОНСКИЙ (*прислушивается, выглядывает*). Что он тянет?... На патруль бы не напорлся...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Ингрид – бремя, большой живот, Томас.

ПРОНСКИЙ. Я понял, понял, забеременела...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*вдруг горько*). Родил плохо, нога вперёд, долго, очень долго. Я пришёл костёл и молился один ночь. Род Вальдберг имел желание Ингрид смерть, плохой род, нет благо...словъений. Я молился Дева Мария и слышал голос – Томас спасён. Моя Ингрид родил Томас, мой поздно сын.

ПРОНСКИЙ. Да, логично... Теперь конец войне, полный крах, и захотелось помолиться в этом костёле?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. О, да, да, господин офицер. Спасение жизнь, род Вальдберг – Томас. Мой жизнь – плохо. Грех очень большой. Томас – нет грех, чуть-чуть грех.

ПРОНСКИЙ. А получилось всё наоборот...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-немецки*). Не понимаю... (*По-русски*.) Не понимает, кто оборот?

ПРОНСКИЙ (*уходит от ответа*). Всё повторяется, говорю. Действительно, костёл играет роковую роль.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Да, да, роковой, судьба – костёл. Нет сопротивление. Господин офицер – судьба. Послал Езус Мария.

ПРОНСКИЙ. Поглядите, что делается... Вообще-то проще, когда веришь в Бога. Никакой ответственности. На всё божья воля: повоевал, пролил реки крови безвинной, снял мундир и – молиться, в монастырь. Хорошая позиция, ничего не скажешь.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Это есть не форма. Это... мысль Господ. (*По-немецки*). Понимаете? Промыслы Господни. (*По-русски*.) Дева Мария спасла мой сын один раз. Спасла два раз. Поздно сын, Ингрид родил Томас, мне есть сорок и восемь год.

ПРОНСКИЙ (*себе*). Головка у старика плывёт... Но, может, и к лучшему, не станет спеси на допросе. (*Генералу*.) Скажите, генерал, а почему немецкая аристократия так легко и дешёво продалась подонку Гитлеру? Пошла к нему служить?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Политика – нет интерес. (*По-немецки*.) Хочу говорить о Деве Марии и сыне Томасе. Я их люблю. (*По-русски*.) Люблю Дева Мария и Томас.

ПРОНСКИЙ. А у меня есть интерес. Так почему?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Аристократ Германия – имел очень большой трагедия. Сочетался брак с подонок Гитлер. Имел большой насилие и власть над невеста. Нет силы сопротивлений против подонок.

ПРОНСКИЙ. Конечно, теперь Гитлер для вас стал насильник и подонок.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Аристократ всегда имел трагедия от социалист и революция. Русская аристократ тоже имел от Ленин-Сталин и продаваться подонок.

Пронский осторожно выглядывает в сад – ждёт Сыромятного.

ПРОНСКИЙ. Что-что? Ленин-Сталин?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Да-да, Гитлер – подонок. Ленин-Сталин – подонок. Аристократия весь мир – подонок.

ПРОНСКИЙ. Тут ты недалёк от истины... (*возвращается*). Мировая трагедия – у власти подонки (*озирается*). Но другого Отечества нет, земля отцов, фатерлянд, а на ней – подонки. Жить тошно, всё плохо..

Сыромятный втокнул Томаса в костёл. Огляделся, вошёл сам. Томас счастливый. Старшина швырнул его к отцу, сам сел, отвернулся. Долгая пауза. Генерал потянулся к сыну. На коленях друг против друга.

ТОМАС. Мой отец!.. Я рад тебя видеть.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-немецки*). Я знал, что ты останешься жив. И был спокоен. Нам следует благодарить Деву Марию. Я молился и услышал голос.

ПРОНСКИЙ (*не сразу*). В чём дело, старшина?.. Почему он?.. Ты не исполнил приказ!

СЫРОМЯТНЫЙ (*показывает*). Вот тебе приказ!.. Не исполнил. Ты его живым взял, ты и режь эту немчуру.

ПРОНСКИЙ. Ты... Ты не смог? Рука не поднялась?

СЫРОМЯТНЫЙ. Пошёл ты!..

ПРОНСКИЙ. Не смог, Сыромятный...

СЫРОМЯТНЫЙ. Да мне этого убудка замахнуть – раз плюнуть.

ПРОНСКИЙ. Чего же не замахнул?..

СЫРОМЯТНЫЙ. А тебе оставил! Набивай руку, доказывай любовь к Отечеству. Мне нечего доказывать, я и так пролетарского происхождения и верен своей Родине. А ты... как ещё посмотреть. Этот бровастый смершовец не зря меня с тобой послал. Вот я и подумал. За каким хреном мне этот грех на душу? Будто их и так нет. Иди сам. Иди – иди!

ТОМАС. Мы были в саду, папа. Там яблони цветут, весна. Только холодно ещё, очень холодно... А кто связал твои руки? Почему у тебя связаны руки?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Томас, меня связала Дева Мария. Я молился, просил, и она спасла. Но поэтому теперь я связан накрепко клятвой. Я дал клятву. Ты тоже связан, Томас. Я вижу промысел Господний.

Пауза растерянности. Пауза растерзанных чувств.

ПРОНСКИЙ. Так... Старшина, ты срываешь задание. Генерал к утру должен быть на нашей стороне. Там ждут! Там минуты считают!.. Ответственность за операцию лежит на мне, хотя тебя и приставили сексотить. Я отвечаю головой! И наш... человек в их логове тоже отвечает. Это не считая тысяч бойцов, которых завтра бросят на пулемёты! Таких вот... недоумков, как этот поздний генеральский сын. Соображаешь?

СЫРОМЯТНЫЙ. А ты меня не кори про сексотство! Между прочим, я сам! Сам тебе признался. Ты бы в жизнь не догадался. Я сам сказал, потому что не люблю камня за пазухой. Не имеешь права колоть мне глаза.

ПРОНСКИЙ. Пожалуй, ты прав, Сыромятный...

СЫРОМЯТНЫЙ. То-то...

ПРОНСКИЙ. Нет, ты во всём прав. Давай не будем спорить. Надо искать выход. Время уходит. Если туман оторвёт от воды, нам и самим-то не доплыть до своих.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ты командир, вот и ищи выход.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*вдруг*). Я помогу! Я имею возможность помочь.

СЫРОМЯТНЫЙ. Во! Ничего себе, генеральчика прихватили. Полное самообслуживание. Ещё и помощь предлагает.

ПРОНСКИЙ. Чем конкретно? Чем вы можете помочь? Может... сами убьёте своего сына?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я ваш пленник. Я есть «язык». Но я пожилой человек. Господин офицер, ваш... э-э, издевательство не место.

ПРОНСКИЙ (*с тихим гневом*). Слушай ты, монах!.. Будешь ещё мне указывать? Кто из нас, ты или я – загнал своего сына в гитлерюгенд? Кто – ты или я – обрядил его, как... чучело и дал в руки пулемёт? Тяжёлый пулемёт, станковый! Кто его заставил воевать? И кто теперь заставляет... совершать это изуверство?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Гитлерюгенд – плохо. Я протестовал. Я писал сыну Томасу. Но Гитлер... подонок Гитлер лишил разума мальчиков. Они имеют желание сражаться. Томас не имел желания. Вы юный господин офицер, вы чуть-чуть знать подросток, размер свой опыт. Подросток имеет очень большая страсть и малый разум. И поведение бродячий пёс, шакал. Кто не желает идти стая, тот плохой мальчик, предатель.

ПРОНСКИЙ. Ты мне ещё лекцию прочитай.

СЫРОМЯТНЫЙ. Правильно он говорит. Шпана – шакалы, загрызут, кого хочешь, если в стае. По себе знаю.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я не имел возможность быть рядом с Томас. Я был на фронт. Мать Томас – женщина трудный характер и очень молод. Она имеет возраст тридцать три лет. Она потворствовал... отдавал дух войны. Я приехал всего одна ночь встреча с Томасом. Имел желание спасти сын – Томас очень юный, не понимать. Подонок Гитлер взял разум, сделал немецкий мальчик тупой солдат.

ПРОНСКИЙ. Убедительная история, ничего не скажешь. Я даже верю, так оно и есть. Только мне-то что, легче? Или это что-то меняет?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Очень хорошо меняет. Томас можно отпустить. Он не делать зла Красная армия.

ПРОНСКИЙ (*к Сыромятному*). Отпустить?..

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Он имеет защита... покров...ительств Дева Мария! Я слышал её голос. Отпустить.

ПРОНСКИЙ. Это она тебе сказала. А у меня в голове другой голос...

СЫРОМЯТНЫЙ. У меня тоже. Если даже этот поросёнок сам не пойдёт докладывать, его схватят и спросят. Шакалята спросят... А он – толстый, значит, слабак и сразу вломит. Тем более, наверняка все знают, приехал папашка-генерал. Не успеем и в эту душегубку сесть, как навалятся.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Господин офицер отпускает Томас, я пойду «язык» русское командование.

ПРОНСКИЙ. Допустим, ты и так пойдёшь, в любом случае.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Добрая воля показания. Имею сказать все оборона северо-восток укрепрайон. Сведений вся оборона Берлин: артиллерия, ракета ФАУ, коммуникация, резерв, склад боепитание. Томас – мой сын, поздно сын, никого нет.

ПРОНСКИЙ. Это мы уже слышали... Так говоришь, отпустить?

СЫРОМЯТНЫЙ. Что ты на меня уставился? Ты у меня спрашиваешь? Я, кажется, лейтенант, всё сказал, какие мне голоса слышатся.

ПРОНСКИЙ. Я думаю.

СЫРОМЯТНЫЙ. Думай, да только поскорей, времени в обрез.

ТОМАС (*по-немецки*). Мой отец! В нашем саду сейчас тоже цветут яблони? Там тоже весна?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Да, Томас, весна по всей Германии. И в нашем саду тоже.

ТОМАС. Я люблю весну. Будет тепло.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Ты запомнишь её на всю жизнь. Весна, тысяча девятьсот сорок пятый год от рождения Христа.

СЫРОМЯТНЫЙ. Надо бы заканчивать этот базар, лейтенант.

ПРОНСКИЙ (*к генералу*). О том, что вы приехали на этот участок обороны, командирам здешних подразделений известно?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. О, да. Меня встречал начальник гарнизон крепость. Я имел намерение быть с сыном Томас до шесть часов утра. Один ночь молиться.

ПРОНСКИЙ. Значит, вас хватятся только в шесть?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Шесть часов дадут автомобиль.

ПРОНСКИЙ. Сейчас три тридцать...

СЫРОМЯТНЫЙ. Ждать будешь, когда хватятся?

ПРОНСКИЙ (*зло*). Не твоё дело.

СЫРОМЯТНЫЙ. Как сказать...

ПРОНСКИЙ. Когда сядешь писать докладную... или донос своему смершовцу, не забудь указать, что я долго колебался и никак не мог принять решения. И укажи: хотел отпустить взятого в плен противника. Солдата противника, пулемётчика. Только возраст его не упоминай, а то несерьёзно будет.

СЫРОМЯТНЫЙ. Лейтенант, я предупреждал... Не коли мне глаза!

ПРОНСКИЙ. Твои глаза выколешь, как раз...

ТОМАС (*по-немецки*). Отец, вероятно, сегодня моя мать приготовит кулич и пасхальные яйца. Ты бы хотел сейчас оказаться в нашем доме за праздничным столом?

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну, ты вынудишь меня. Я же псих, понимаешь? Я детдомовский, а значит всегда себе на уме. Мне с тобой детей не крестить.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я бы хотел, Томас... Но мне нужно уезжать. И в нашем доме теперь я буду не скоро.

ТОМАС. Ты снова уезжаешь на фронт?

ПРОНСКИЙ. Детей нам и в самом деле не крестить. А вот... резать придётся. Не будь ты сексотом, я бы смог с тобой договориться.

СЫРОМЯТНЫЙ (*хватает за грудки*). Слушай, ты!.. Я не сексот! Понял? Я тебя ещё ни разу не закладывал.

ТОМАС. Мой отец, ты уезжаешь на фронт?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Да-да, на фронт, на русский фронт. Я хотел сказать, к русским в плен. Так нужно. А тебя отпустят.

ПРОНСКИЙ. Это не доказательство.

СЫРОМЯТНЫЙ. Был бы ты... с умом. С соображением... Мы бы смогли договориться.

ПРОНСКИЙ. Я тебе не верю. (*Поправился.*) Не доверяю. И ты знаешь отчего. У меня есть основания. Припрут тебя – заложить. Потому что хочется звезду получить.

СЫРОМЯТНЫЙ. Эх ты, лейтенант... Да если на то пошло, положил я на эту звезду! Не в звезде дело, когда касается...

ПРОНСКИЙ. И жить ты сильно хочешь.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну будто ты не хочешь! Будто тебе три жизни отпущено!

ПРОНСКИЙ. Всё равно не доверяю, старшина. Ком вот здесь стоит, мешает. Конец войне, скоро победа – тут можно и не считаться с каким-то лейтенантом, к тому же из чуждого класса. Кто осудит? Да никто. Забудешь от счастья через месяц, а то и раньше.

ТОМАС. Меня отпустят с фронта? Из крепости?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Нет, тебя отпустят русские, а меня возьмут с собой и увезут за реку.

ТОМАС. Не понимаю, отец. Почему ты говоришь о русских? Они стоят за рекой, далеко и только готовят наступление на нашу оборону. Поэтому на позициях затишье.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Мой Бог!.. Томас, мы попали в плен, к русским.

СЫРОМЯТНЫЙ (*после паузы*). Ладно, пусть будет так... Думаешь, у меня нет оснований тебе не доверять? Нет, да? У меня такие основания!.. Выслужиться хочешь? Доказать любовь к Отечеству? Хочешь. И плевать тебе на какого-то старшину. Да ты вперёд меня бумагу напишешь! И жить ты хочешь!

ПРОНСКИЙ. Знаешь, расхотелось жить. Так тошно стало...

СЫРОМЯТНЫЙ. Это уж ты не ври! Вижу, как расхотелось.

ПРОНСКИЙ (*откровенно*). Нет, правда, сейчас такое состояние... Мальчики кровавые в глазах.

СЫРОМЯТНЫЙ. Если бы не хотел жить – пазганул бы этого жирного поросёнка, и дело с концом. Когда человек жить не хочет, ему наплевать на всё. Ты же атеист, не веришь во всякий там ад, рай. Какая разница? А вот когда жить хочешь, тогда не всё так легко. Тем более, такого полудурка укокошить... А если тебе всё надоело, если тошно стало – давай, вперёд! Или только слова? Иди, перешагивай барьер. (*Пауза.*) Лейтенант? Время! Решайся! А то ни тяти, ни мамы... Давай, давай, лейтенант! Возьми мой нож, он острый, как бритва, ну?.. Решайся, лейтенант!

Пауза. Резкое затемнение. Конец первого действия.

Действие второе

Картина первая

Всё, как в первом акте – пауза между жизнью и смертью.

ТОМАС (*после паузы*). Мы попали к русским? В плен?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Да, Томас. Но тебя отпустят.

ТОМАС. Когда же русские захватили крепость? Форсировали реку? Пока мы с тобой гуляли по саду?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Пока гуляли по саду... (*Пронскому.*) Господин офицер, отпустить Томас. Вы наблюдайте, Томас... болен. Нет рассудка, нет понятий положения, места... Вы слышать, что он сказал? Мальчик испытывал очень сильный страх, нет рассудка. Дева Мария покров...итель мальчика душевная болезнь. Хранит Томаса.

СЫРОМЯТНЫЙ. Тут скоро сам потеряешь рассудок, в душу её... Лейтенант, решай скорей! Или я беру лодку, генерала и плыву к своим.

ПРОНСКИЙ. Плыви, я не держу... И сверли себе дырку.

СЫРОМЯТНЫЙ (*после паузы, зло*). Послал Бог командира! Я этого бровастого удавлю, гада...

Переборщил, замолчал. Пронский отодвинулся в сторону, обхватил голову руками. Сыромятному.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Вы хороший человек. Вас любит Дева Мария... Она имеет над вами свою добрую волю.

СЫРОМЯТНЫЙ (*в сердцах*). Ты бы хоть отвалил! Со своей девой...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*настойчиво*). Господь любит весь русский солдат, вся армия. И имеет желание давать победа. Я слышал давно... Когда имел звание лейтенант и воевал под Перемышль. Не Красная армия, а русская армия и царь Николай. Я слышал, русские солдаты очень ругаются. В Бога, в его имя. И в Пресвятую Деву Марию – Богородица. Германия не ругается в Бога, а только Россия и русский солдат. И Красная армия солдат ругается, но не верит в Господа. Он есть атеист. Господь любит русский солдат и прощает. У русский солдат брань есть война, брань есть молитва к Господу. И он слышит и даёт победа. Германский солдат нельзя молиться и ругаться в имя Христа и Дева Мария. Русский солдат можно. Великий Бисмарк знал отгадка на этот вопрос. Он знал тайну русский солдат и Господь, Россия и Дева Мария, Богородица. Бисмарк предупреждал немец не воевать Россия и русский солдат, потому что Христос и его мать Дева Мария покрови...ительствовать русским и терпеть их брань. Брань – молитва.

СЫРОМЯТНЫЙ. Чего – чего? Чего ты там бормочешь?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я сказал – не воевать Россия и русский солдат.

СЫРОМЯТНЫЙ. Нет, что ты там про ругань говорил, про матюги?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Германский солдат нельзя ругаться имя Христа и Дева Мария, русский солдат – можно. Это есть молитва русских в бою. Бог слышит и даёт победа.

СЫРОМЯТНЫЙ. Наконец-то уяснили к концу войны, остолопы. Только на вас, немчуру, уже никаких матюгов не хватает. Бог уже притомился наши молитвы слушать. Всё лезете и лезете. Набьют вам морду, а вы забыли и снова...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Потому Господь имеет желание наказать немцев. Германия идёт гибель. А мой сын Томас спасён Дева Мария. Я молился, Она услышала и дала пощада. Она дала пощада через тебя, русский солдат. Она любит тебя, и ты исполнял её воля.

СЫРОМЯТНЫЙ. Погоди ещё, спасён... Будет тебе спасён, скоро вон светать начнёт, а мы ещё торчим на вашем берегу!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я имею благодарность тебе, русский солдат. Как отец. Томас мой сын, один и поздно сын. Молить буду Господа за тебя!

СЫРОМЯТНЫЙ. Моли, моли, я всё равно не верующий...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Это нет значений, не имеет значения. Ты есть атеист, но Господь знает тебя, слышит. Русский имеет право быть атеист, это не делает плохо любовь дева Мария. Она покров...итель. Я имею желание учить русский язык и молить Езус Мария на русский. Она любит...

СЫРОМЯТНЫЙ. Это я тебя научу в раз. Я так по-русски молиться умею, такие слова и обороты знаю – листья с деревьев сыплются, и перепонки трещат. Особенно, когда в атаку надо, на ваши сучьи пулемёты...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. О да, да! Молитва имеет сила! Русская молитва!

СЫРОМЯТНЫЙ (*надоело*). Ну мы теперь для тебя – ангелы, честное слово. Понял, наконец, да? Понял, когда нахлестался мордой об лавку?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Морда об лавка – понял. Имею желание молиться Езус Мария за тебя, за сын Томас. Ты, солдат, как сын, как мой большой сын.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ого! Папашка нашёлся!.. Слышь, лейтенант, он меня усыновлять собрался. Всю жизнь мечтал быть генеральским сынком... Эх ты, вояка. Да нужен ты мне сто лет! Мне уже тридцать три года. Понимаешь, тридцать три!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Да, да понимаю. Возраст Христа.

СЫРОМЯТНЫЙ. Когда я по подвалам жил, где ты был? А сейчас мне папаша ни к чему. Я сам кого хочешь усыновить в состоянии. Лейтенант? Слышь, он говорит, я тебя родил!..

Обрывается на полуслове. Пронский отнял руки и встал, решительный и страшный. Пьёт из фляжки, пережидает горечь.

ПРОНСКИЙ. Всё. Время вышло. Час пробил...

Хватает Томаса, ставит на ноги.

СЫРОМЯТНЫЙ. Это уже командир... А то сопли жуёт.

ПРОНСКИЙ (*по-немецки Томасу*). Иди вперед. (*По-русски.*) Волчонок недорезанный.

СЫРОМЯТНЫЙ. Лейтенант! Послушай меня!

Пронский тащит Томаса к выходу.

ПРОНСКИЙ. Готовь лодку! Вернись – сразу на воду.

СЫРОМЯТНЫЙ (*догоняет*). Лейтенант? Серёга?.. Ты вот что. Ты только ему в глаза не смотри, понял? Послушай меня, я знаю...

ПРОНСКИЙ. Выполняй приказ.

СЫРОМЯТНЫЙ. В глаза не смотри, иначе не сможешь. И вообще не смотри ему в лицо, не думай и не смотри!

Уводит. Долгая пауза. Сыромятный страдает, однако генерал довольно спокоен.

СЫРОМЯТНЫЙ. Чего уставился?.. Давай молись! Хоть по-русски, хоть по-немецки. Стоит смотрит... Молись, говорю! За своего Томаса.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Слушаюсь, господин солдат.

Поворачивается к кресту, что-то шепчет, молится с оглядкой на вход.

СЫРОМЯТНЫЙ. Надо же, послушный стал какой. Во как жизнь баронов ломает.

Сыромятный достал лодку, надувает ртом, ищет, где спускает. Подбегает к выходу, прячется, наблюдает. Снова к лодке. Фон Вальдберг стоит на коленях перед крестом, молится со связанными руками.

СЫРОМЯТНЫЙ. Нет! Шипит, зараза! Вся шипит, по всем швам... Ну, американцы! В рот им дышло. Вот такой же и второй фронт открыли. Тоже по швам... (*Прислушивается. Пытается выглянуть в окно.*) Гады, специально вредят. Тоже, как немчура... Поняли, что мы

фрицев за жабры взяли, так сразу в союзники победу делить. Ничего, на хитрую задницу у нас тоже припасено... Попадёте вы мне в Германии, я и за лодку спрошу, и за гнилую тушёнку... Эй, немчура? (*Пауза, смотрит на генерала.*) Думаешь, поможет? Как раз, жди. Если б это помогало, мы бы не воевали, мы бы все молились...

Заходит вперёд фон Вальдберга, заслоняет собой распятие. Генерал перестаёт шептать. Снисходительно.

СЫРОМЯТНЫЙ. Божья помощь, она тоже как американская, союзническая. Вроде есть и вроде нет. Надумаешь себе, нагородишь обману – кажется, действует. А чуть тронь – шипит по швам. Не то, что до своего берега доплыть, а и сесть-то страшно. Ну, как лопнет этот пузырь посередине реки?.. Да хватит тебе! Размолился. Крышка твоему Томасу. Теперь он в надёжные руки попал, в княжеские. Князья, они люди чести и слов на ветер не бросают.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Этот молодой офицер – князь?

СЫРОМЯТНЫЙ. А то как же. Самый настоящий.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я есть убеждён – Томас оставить живой.

СЫРОМЯТНЫЙ. Это хорошо. Оно легче, когда веришь. Тут, главное, убедил, надул пузырь и живи с ним. Я тоже иногда так, когда совсем на душе муторно.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Князь не убьёт мальчика. Красный офицер, пролетар... ияты убьёт. Князь очень сильно думает свой честь – не убьёт. Господь дал мне тебя, русский солдат и офицер – князя! Томас спасать от гибель и лютая смерть.

СЫРОМЯТНЫЙ. Да ты просто князей не знаешь! Они не то, что твоего Томаса, они своих братьев на тот свет отправляли почище всяких злодеев. То ядом, то ножиком в спину. В общем, дрались друг с другом как собаки. Всё власть делили, землю. Будто её не хватало, этой земли. А цари? Я слышал, одного даже портсигаром убили, по приказу сына. Бывало, и совсем младенцев резали, и взрослых батоном убивали, как Иван Грозный. Даже картина есть.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Господин офицер – князь?

СЫРОМЯТНЫЙ. Я же сказал! Чего ты одно и то же...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Князь не убьёт Томас. Имеет запрет, честь.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ты меня не понял. Князь-то он князь, да только наш, красный. Иначе бы из офицерской школы выпнули, как чуждый элемент. Его же проверили и оставили. Он убьёт, чтоб доказать, чтоб потом не тронули. Что ему твой сын? Немченок?.. Я тебе скажу: красный князь это хуже, чем холоп. У нас в детдоме был один такой отпрыск из дворян. Такая тварь, всё выслуживался перед начальством, зарабатывал доверие. Что украдёшь, тут же воспитателям известно...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Князь не бывает красный. Князь от фамилия, от рода, с кровью отец-мать. Томас – не князь, барон. Я барон, Томас – барон. Это есть как русский князь. Нельзя убивать наследник род. Томас – один наследник. Господин офицер знает...

СЫРОМЯТНЫЙ. Откуда он знает? Если воспитывали, как всех? И скрывали, какого он происхождения?.. Над вами просто умора! Придумываете какие-то заморочки!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Князь знает. Господь говорит ему – запрет! Спасать род. Кровь говорить – убивать нельзя мальчик.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну, понёс!.. Это может у вас так принято, А у нас если начнут пазгать, так всех до седьмого колена.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Господин офицер – благородный род. Благородный род есть русский, германский, английский – все один правило. Нет красный, белый, чёрный. Есть один благородный. Гитлер не иметь благородный род, Сталин не иметь – подонки, война. Когда подонки воевать – много кровь, море кровь. Благородный – чуть-чуть кровь.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ага! Вот ты и попался! А когда воевал под Перемышлем? У вас – царь был и у нас – царь. А дрались, как псы на помойке! Мало крови пролили?! Ишь ты, благородный!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Россия имел царь Николай. Германия иметь кайзер. Кайзер не царь, не иметь русский рассудок.

СЫРОМЯТНЫЙ. Но ты-то служил и кайзеру, и теперь Гитлеру – подонкам. Это как понимать?

Идёт к выходу, выглядывает, слушает и возвращается.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*настороженно*). Я получил наказание от Господь. Узнал свой горе, свой беда. Как это?.. Раскаяние. Я хотел раскаяние. Давал клятва Дева Мария служить. Она спасёт Томас.

СЫРОМЯТНЫЙ. В общем, я понял. Как припекло задницу, так раскаяние. А не взяли бы вас, твой сынок завтра шпарил бы по мне из пулемёта. И не надеялся на Бога. И ты бы не надеялся.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Русский солдат, я имею желание молиться. Томас стоит перед суд. Перед страшный суд. Я должен просить Деву Марию...

СЫРОМЯТНЫЙ. Да молись, мне-то что... Я же так с тобой, ни разу не говорил с генералом немецким, да ещё с бароном... Молись. За американскую лодку ещё помолись, чтобы не спустила посередине реки.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Под Перемышль я молился Езус Мария, имел желание быть генерал. Лейтенант воевать очень плохо. Генерал – хорошо. Пресвятой Мария слышал мой голос, я имею звание генерал. Я был очень глупый, юный... Возвращать Перемышль и лейтенант – молился... имел желание просить не генерал служить – Господу служить.

СЫРОМЯТНЫЙ. Это правильно. Растолкать бы вас, немчуру, по монастырям лет на сто. Чтоб сидели и молились, чтоб гитлерюгенда больше никогда не выросло... Нет же, пройдёт лет тридцать – сорок, опять найдётся какой-нибудь подонок и своротит вам мозги. Опять на Россию ползете. И забудете, что Бог любит русского солдата.

Берётся за лодку, спускает воздух, сворачивает. Себе.

СЫРОМЯТНЫЙ. Совсем чокнулся старик. У него сына режут, а он молится... Оно конечно, до любого доведись, страшно подумать. Хорошо вот, своих ребятишек нет...

Вдруг что-то слышит. То ли лодка шипит, то ли на улице шорох. Хватает автомат, бежит к выходу. И возвращается задом. Входит Пронский – такой же страшный, как уходил. Генерал не видит его – молится. Пронский сел на скамейку. Длинная пауза. Отвинтил пробку, попил спирта не морщась, встряхнул головой. Глухо, чужим голосом.

ПРОНСКИЙ. Лодку проверил?

СЫРОМЯТНЫЙ. Что?..

ПРОНСКИЙ. Спрашиваю, лодку проверил?

СЫРОМЯТНЫЙ (*чуть испуганно*). Проверил. Шипит, воздух травит. Втроём и то накапаемся.

ПРОНСКИЙ. На своём берегу обсохнем. (*Снова пьёт.*)

СЫРОМЯТНЫЙ. Серёга, ты не надирайся...

ПРОНСКИЙ (*после паузы*). А, тут твои два глотка ... На, пей.

СЫРОМЯТНЫЙ. Нет, нет, не буду, не хочу без закуски...

ПРОНСКИЙ. Твое дело... (*пьёт*).

СЫРОМЯТНЫЙ. Когда переплывём, тогда и ... (*Вдруг генералу.*) Ну, что ты стоишь, идиот? Что я тебе говорил?

Пытается уронить крест – он с грохотом рушится. Все замирают, вертят головами, слушают. В саду поют соловьи. Генерал отползает, таращит глаза.

ПРОНСКИЙ. Не трогай его... Пусть молится.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Где... мой сын? Где мой Томас?

СЫРОМЯТНЫЙ. На том свете твой Томас.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-немецки*). Нет, нет! Не хочу! Я молился! (*По-русски.*) Я молился! Просил Деву Марию... (*К Пронскому.*) Господин офицер! Князь! Вы... убивать мой сын? Мой Томас? Нет, это есть не правда.

СЫРОМЯТНЫЙ. Это как раз правда. Что я говорил?

ПРОНСКИЙ. Заткнись.

СЫРОМЯТНЫЙ. Молчу...

ПРОНСКИЙ. Тащи его на берег. Я возьму лодку.

СЫРОМЯТНЫЙ. Понял. (*Подступил к генералу.*) Открывай рот! Я кому сказал?

Пытается вставить кляп. Фон Вальдберг неожиданно резко сопротивляется.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Буду кричать! Убили Томас! Мне смерть! Мне нет страх! Поднять тревога!

ПРОНСКИЙ. Да заткни ты ему пасть!

Сыромятный наваливается – в генерале пробуждается сила.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Езус Мария! Я слышал голос! Смерть Томаса нет! Офицер не убьёт мальчик! Князь не убьёт мальчик!

СЫРОМЯТНЫЙ. Слушай, ты, богомолец. Томас твой попал на небеса. Успокойся и не поднимай шума. Ему там будет хорошо с Девой Марией.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Офицер убил Томас – я буду молчать! Буду молчать!

СЫРОМЯТНЫЙ. Убил, убил, молчи.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Буду молчать допрос! Нет показания. Я съест свой язык. Князь! Офицер! Отвечайт мне! Я есть отец! Вы убил мой Томас?

ПРОНСКИЙ. Да что ты с ним справиться не можешь?

СЫРОМЯТНЫЙ. Здоровый бугай! Откуда что и берётся!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Князь убил мальчик – мир гибель. Катастроф! Дева Мария остановил руку. Господь остановил руку! Князь, отвечайт! Ты оставил жизнь Томас?

ПРОНСКИЙ (*Сыромятному*). А ну, погоди. Отпусти его.

Подходит, ставит генерала на ноги. Глядя в лицо.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ужас какой-то... Ну, бровастый, падла, втравил в катавасию.

ПРОНСКИЙ (*по-немецки*). Твоему Томасу, генерал, будет хорошо. С ним теперь полный порядок. Я отпустил его. Это мое благородное слово.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-немецки*). Не понимаю вас, князь. Мой Томас жив? Или мёртв? Отвечайте мне, как отцу.

СЫРОМЯТНЫЙ (*прислушиваясь*). Чего? Чего вы там говорите? Что ты ему сказал, лейтенант? Я тоже кое-что шпрехаю, так что не надо скрывать. Где Томасу будет хорошо?

ПРОНСКИЙ. На небесах, старшина.

СЫРОМЯТНЫЙ. А, понял, душу отпустил...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-немецки*). Отвечайте, господин офицер! Если вы убили Томаса – мир станет окончательно подлый и непоправимый. Народ без аристократов и государей – быдло. Чёрное быдло. Я в этом убедился. Это произошло в Германии и в России. (*Умоляюще.*) Князь, отвечайте мне!

СЫРОМЯТНЫЙ. Что он говорит? Лейтенант? Что он сказал?

ПРОНСКИЙ. Это тебя не касается.

СЫРОМЯТНЫЙ. Меня всё касается! Что вы там разбазарились? Договариваетесь, что ли? А меня за дурака держите?

ПРОНСКИЙ. Да, тебе же надо смершовцу донос писать. Так вот напиши: я уничтожил противника. Убил его, как азиат, ножом в спину. И в лицо не смотрел по твоему совету.

СЫРОМЯТНЫЙ. Где труп?.. Ты можешь сказать, где труп?

ПРОНСКИЙ. Сходи, проверь. Зарыл в кучу прошлогодней листвы. Возле забора, в саду.

СЫРОМЯТНЫЙ. Некогда проверять.

ПРОНСКИЙ (*зло*). Нет уж, иди и проверь! А то напишешь!

СЫРОМЯТНЫЙ. Я верю, лейтенант. Пора двигать.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*недоумённо*). О чём вы имеете беседу? Я не понимаю...

СЫРОМЯТНЫЙ. А и нечего понимать. Не то в самом деле сожрёшь свой язык. И приведём куклу в штаб. Чурку с глазами. А ты молодец, лейтенант, наколол его... (*Генералу.*) Жив твой Томас! Отпустили его!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*радостно, по-немецки*). Я верю тебе, русский солдат! (*По-русски.*) Я имею вера, доверие тебе, русский солдат. Ты соблюдал честь – не убил Томас...

ПРОНСКИЙ. Ну, хватит валандаться! (*Сыромятному.*) Хватай его на горб и тащи на реку. Я буду прикрывать.

СЫРОМЯТНЫЙ. Есть, товарищ лейтенант!

ПРОНСКИЙ. Только кляп ему вставь.

СЫРОМЯТНЫЙ. В сей момент! Ну-ка, барон, открывай хайло! (*Показывает затычку.*) Это для порядка. А то ты больно уж говорливый.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Русский солдат, отвечай мне ещё один раз: Томас жив?

СЫРОМЯТНЫЙ. А ты что, не веришь голосу Девы Марии? Ты же слышал голос?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. О, да, верю! Господь спас!

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну вот. Чего же я могу сказать? После Девы Марии?.. Разинул пасть, быстро! Иначе ножом разожму! Шнель, шнель! Антверте! Мы по-хорошему отпустили сына, ты послушно топай с нами.

В это время в проёме двери возникает несуразная тень, затем появляется ТОМАС. Смотрит. Его пока никто не замечает.

ПРОНСКИЙ. Выруби его, на хрен и не уговаривай! Только не сильно бей.

Сыромятный снимает автомат, Пронский наклоняется, чтобы взять лодку. Томаса видят все одновременно. Немая сцена. Долгая пауза.

Картина вторая

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Томас... (*По-немецки.*) Я рад, Дева Мария не отвернулась от нас, от нашего рода. Но почему ты вернулся?

СЫРОМЯТНЫЙ. Мать моя женщина... Воскрес!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Нам повезло, Томас. Мы попали в плен к благородным людям, посланным от Господа. Я не удивлюсь, если узнаю, что это были Архангелы Гавриил и Михаил (*показывает на разведчиков*). Гавриил, Михаил – архангелы, божьи воины. Они спасли тебя, но зачем ты вернулся?

Томас приближается к отцу. Пронский подломился. Сел.

ТОМАС (*по-немецки*). Мой отец. Я не могу оставить тебя. Хочу разделить участь.

Томас встал на колени, обнимает отца. Пауза.

СЫРОМЯТНЫЙ. Прямо, как на картине...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-русски*). Архангел тоже имеет... количество терпения. (*По-немецки.*) Нельзя испытывать терпение небесных воинов, Томас.

СЫРОМЯТНЫЙ. Сплошная мистика: должен лежать под кучей листьев, а стоит здесь. Чудеса, как тут не поверить в Бога? И слышит наши... молитвы? Эй, лейтенант, чего молчишь?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Ты поступал... против воли Господа, Томас. Архангел Гавриил и Михаил отпустить тебя с мир, а ты пришёл назад. Чей это воля, Томас?

СЫРОМЯТНЫЙ. Покойники встают? Из мёртвых воскресают? Ну-ну... Скажи что-нибудь, лейтенант. Как говорят, разъясни ситуацию.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-немецки*). Тебе не следовало возвращаться. Война скоро кончится, осталось совсем немного. Я дам показания русским, и они не убьют меня. Когда-нибудь вернусь назад, в Германию, и отыщу тебя.

СЫРОМЯТНЫЙ. Лейтенант, может, ты язык съел?.. Ты почему отпустил его? Я же вижу – отпустил, руки развязаны. Ты соображаешь, что ты сделал? Хорошо этот полудурошный поросёнок не попал к своим, а сюда припёрся. А если бы попал?.. Не отмолчишься, лейтенант. Ох, не зря смершовец за тобой наблюдает. Вот оно, предательство, вылезло наружу...

ПРОНСКИЙ. Ты можешь меня выслушать... как будто мы просто люди и войны нет. Сидим мы с тобой и говорим.

СЫРОМЯТНЫЙ. Лясы точить нет времени, да и я представить не могу, что войны нет... Но всё равно давай, валяй. Только по ускоренному, как офицерские курсы.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-русски*). Будь я проклят! Дважды слышал голос – Томас спасён. И дважды не имел веры, а имел сомнений. Русский поклон, князь!

СЫРОМЯТНЫЙ. Давай, давай, рожай что-нибудь. Или комплименты выслушиваешь? Поклоны принимаешь?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Есть аристократ – есть народ. Нет аристократ – подонки, быдло, море кровь. Россия есть аристократ. Ленин стрелял, Сталин стрелял – не убил дух, честь.

ПРОНСКИЙ (*Сыромятному, вдруг*). Должен признаться... Хотел убить и не смог. Несколько раз замахивался. А этот мальчишка обернётся ко мне и что-нибудь спросит. Будто кто-то его одёргивает в этот момент... И в глаза мне смотрит. Взгляд глупый, как у сумасшедшего или блаженного. Не хотел ему в глаза смотреть – он сам. И говорит глупости... То под яблоней убить просит, то на берег свести, но потом обязательно в листву зарыть. Чтобы тепло было.

СЫРОМЯТНЫЙ. А ты и раскис?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Гитлер не стрелял аристократ, эмиграция не имел место, а дух германской аристократ – капут.

СЫРОМЯТНЫЙ. Закрой рот! Я тебе кляп вставлю!

ПРОНСКИЙ. Мальчишку нельзя убивать, Сыромятный. Я это понял.

СЫРОМЯТНЫЙ. Спелись, князья-бароны, сговориться успели. Вот где проявилась твоя настоящая натура.

ПРОНСКИЙ. Мне нужно с тобой сговориться. Я не предатель, и Родину не продавал, наоборот... Мне важно, чтобы ты тоже понял. Не смог же ты убить его? Не смог. И врешь, что мне это дело оставил. Конечно, можешь написать в бумагах, как я тебя уговаривал отпустить пленного и подвергал опасности операцию, но мне сейчас стало всё равно. Смерш, НКВД, трибунал... Нет, я жить хочу. Только у меня нет выбора, в любом случае мне теперь труба. Вся надежда на тебя, старшина. согласишься ты отпустить мальчишку, спасёшь и себя и меня.

СЫРОМЯТНЫЙ. Предлагаешь мне разделить ответственность напополам? Повязать меня? Чтоб я жил и не дёргался?.. Лейтенант, а я привык жить честно и открыто. Думаешь, только у вас, князей, честь? У нас тоже есть чем гордиться... Самое главное, я не против – пускай пацан живёт. Другое дело, не уплыть нам отсюда, если его оставим. Он же чокнутый! Куда ты его денешь? Видал, назад вон прибежал. Хорошо, на патруль не напоролся, нас бы уж тут обложили и выкуривали...

ТОМАС (*по-немецки*). Отец, я тебя развяжу. Я освобожу тебе руки.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-немецки*). Не нужно этого делать, Томас. Теперь я готов жить и со связанными руками.

СЫРОМЯТНЫЙ. Не знаю, лейтенант, время вышло, и так больше часа канителиться, а на той стороне нас ждут.

ПРОНСКИЙ (*вспомнил*). Мы дошли до забора, пропустили патруль, а он вдруг говорит о вечерней жертве...

СЫРОМЯТНЫЙ. О чём?

ПРОНСКИЙ. О жертве вечерней.

СЫРОМЯТНЫЙ. Как это?..

ПРОНСКИЙ. Сегодня день такой... Ну, есть день в пасхальной неделе, когда Богородице воздаётся вечерняя жертва. Бескровная жертва...

СЫРОМЯТНЫЙ. Слушай, Серёга, у тебя на почве религии крыша едет. Ты дальше туда не ходи, нельзя. Был у нас один такой, по ночам втихушку молиться стал, а потом целый день ходил, улыбался и всем фиги показывал. Забрали и увезли.

ПРОНСКИЙ. А древние иудеи когда-то возносили своему богу кровавые жертвы. И Господь наслал на них Навуходоносора, чтобы покарать за кровь.

СЫРОМЯТНЫЙ. Серёга! Лейтенант?

ПРОНСКИЙ. Сегодня нельзя проливать кровь. Веришь ты в Бога или нет, но нельзя, понимаешь? Всё же происходит помимо нас, над нами. А мы слепые, не видим, не чувствуем, кажется, ничего особенного, война же... Только кровь-то имеет магическую силу, сакральную.

СЫРОМЯТНЫЙ. Не сходи с ума, лейтенант! Ты что, этого полудурочного генерала наслушался? Вместе с его придурком сыночком? Куда тебя потянуло-то?

ПРОНСКИЙ. Воздадим кровавую жертву, Господь и на Россию наслёт Навуходоносора, как на иудеев.

СЫРОМЯТНЫЙ. Чего ты несёшь? Ты бы ещё потоп вспомнил!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*по-немецки*). Тебя отпустили Томас, уходи. Обо мне не волнуйся, я выживу. Я под Перемышлем выжил.

ПРОНСКИЙ. В этот день нельзя ни капли проливать... Всё будет воспринято, как кровавая жертва. Даже если случайно. Мне бабушка говорила, я вспомнил. Навуходоносор явится один в трёх лицах, так что его сразу и не узнаешь. Но есть приметы у каждого. Первый будет горбатый и с пятном, второй – беспалый, а третий – рыжий. Самая страшная ипостась – рыжая, дьявольская...

СЫРОМЯТНЫЙ. Всё, всё, лейтенант. Ты успокойся, главное, успокойся. Ничего же не случилось, пока всё в порядке. Никаких Наву... ход... Ново... В общем, никаких пока горбатых, беспалых и рыжих. Скоро войне конец. Там будет мир, домой поедем, и так заживём, лейтенант! В гости друг к другу приедем, и будем вспоминать, как сидели в костёле в тылу у фрицев и дурью маялись. Вот посмеёмся!.. Чего переживать?

ПРОНСКИЙ. Я отпущу мальчишку. А ты будешь молчать, как рыба, понял?

СЫРОМЯТНЫЙ. Да, я понял. Что я, злодей, что ли?.. Думаешь, мне охота? Надо чего-нибудь придумать и всё, а ты про всяких Ново... соров. Бабушкины байки, верно?

ПРОНСКИЙ. Верно.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну вот, ты же не кликуха, а советский лейтенант, два ордена, медали «За отвагу». Приказывай, что делать. Отпускать – значит отпускать.

ПРОНСКИЙ. Просто так отпускать опасно...

СЫРОМЯТНЫЙ. И я говорю – опасно.

ПРОНСКИЙ. Останусь здесь, с ним. А вы сейчас же с генералом плывите к нашим. Я подстрахую.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ты что, сбесился?

ПРОНСКИЙ. Понимаешь, у генерала тогда не будет сомнений, он даст показания. Слышал, что говорит? Если не отпустим сына, откусит язык. Ну, если и не откусит, то слова не добьёшься, это точно. Никакие уговоры и пытки не помогут. Надо, чтобы он верил.

СЫРОМЯТНЫЙ. Он и так поверит. (*Косится на фон Вальдберга.*) Ему только немного загнать по поводу Богоматери и прочих святых...

ПРОНСКИЙ. Я остаюсь здесь.

СЫРОМЯТНЫЙ. А что я скажу командиру? И тому, из Смерша?.. Нет, лейтенант, так не пойдёт. Из-за какого-то сопляка, гниды, башку свою подставлять? Сначала здесь, а потом – там... На кой тебе ляд?

ПРОНСКИЙ. На день укроюсь где-нибудь. А ночью на бревне уплыву к своим.

СЫРОМЯТНЫЙ. В такой воде? На бревне?.. До середины не выгребешь.

ПРОНСКИЙ. Выгребу, с Божьей помощью.

СЫРОМЯТНЫЙ. Серёга?! Утром хватятся генерала! Тут такое начнётся!..

ПРОНСКИЙ. И вам будет лучше в этой душегубке вдвоём. Если что – прикрою. Запасные диски и гранаты оставь...

СЫРОМЯТНЫЙ. Но что я скажу?!

ПРОНСКИЙ. А скажи – лодка течёт, спускает, ненадёжная. Потому пришлось разделиться. Про мальчишку молчи, ни звука.

Пауза. Сыромятный начинает молча метаться. Вдруг.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Прошу иметь внимание, Архангел Гавриил, Архангел Михаил. Я понял... мысль Господа. Он просит мой сын Томас, как жертва. Он послал вас дать мне разум, послал испытание веры... Томас не больной, Томас жертвенная овца. (*По-немецки.*) Агнец Божий, жертвенная овца. Поэтому он большой, жирный. (*По-русски.*) Господь давал испытание патриарх Авраам, Исаак, сын Авраам, взял хворост, отец взял нож и имел желание убить свой сын, жечь на огонь – давать жертва Господу. Доказать свой истинный преданность и вера.

СЫРОМЯТНЫЙ. Что он мелет? Что мелет?.. Совсем с ума сошёл?

ПРОНСКИЙ. Нет, старшина... Это библейская легенда об Аврааме.

СЫРОМЯТНЫЙ. Так он, вроде, говорит – сына в жертву? Сам убить хочет?

ПРОНСКИЙ. Так сделал Авраам...

СЫРОМЯТНЫЙ. Ну и фашист! Своего сына?.. Ни хрена себе...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Имею желание доказать любовь Господу и Дева Мария. Прошу дать нож. Прошу развязать рука и дать нож.

СЫРОМЯТНЫЙ (*пятится*). А ведь зарежет!.. Чую... Лейтенант, я же как зверь чую... Убьёт!

ПРОНСКИЙ. Господь не позволит приносить кровавую жертву. Авраам не убил Исаака, только занёс нож. Архангел остановил руку.

СЫРОМЯТНЫЙ. Может, тот Авраам и не убил. А этот... Ты посмотри в его глаза!

ПРОНСКИЙ. Это испытание любви и веры к Богу.

СЫРОМЯТНЫЙ. Да на хрен такие испытания! В библии мало ли чего не нагорожено, это не наша жизнь, и не война с фашистами. Он же нелюдь, гляди...

ПРОНСКИЙ. Давай развяжем и дадим нож. Кто сказал, что времена нынче – не библейские?

СЫРОМЯТНЫЙ. Не понимаю... Он же отец! Ладно там, генерал гитлеровский, фашист. Но отец ведь?

ПРОНСКИЙ. Говорю же, это испытания Бога!

СЫРОМЯТНЫЙ. Испытания... А если он вправду станет резать, замахнётся, а не убьёт? Если рука остановится?

ПРОНСКИЙ. Значит, придётся тебе поверить – Бог есть.

СЫРОМЯТНЫЙ. Одному мне поверить? А тебе?

ПРОНСКИЙ. А я уже... верю.

Пауза. Сыромятный отступает теперь от Пронского.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Архангелы! Михаил, Гавриил! Развяжите мой правый рука! Прошу дать нож!.. Томас, страх нет. Есть любовь, вера – нет сомнений и страх.

ПРОНСКИЙ. Я развяжу его и дам нож.

ТОМАС (*по-немецки*). Скоро наступит рассвет, отец. Я люблю, когда всходит солнце. Из моей амбразуры всегда видно восходящее солнце. Красное и очень большое. Пулемёт красный, руки красные...

СЫРОМЯТНЫЙ. Что говорит? Что он говорит?! Хочет, чтобы его отец зарезал?

ПРОНСКИЙ. Нет, он любит, когда всходит солнце. Ждёт утро.

СЫРОМЯТНЫЙ. В душу Христа!.. Вы меня с ума сведёте!

ПРОНСКИЙ. Я дам нож...

СЫРОМЯТНЫЙ. Нет!.. Никаких испытаний. Мои нервы вам полигон что ли? Всё, хватит, наслушался. (*Хватает, трясёт Пронского.*) Ты-то чего, ошалел? Ладно он от горя ум потерял, сын всё-таки. Но ты – от чего?!. Ещё и князем называешься! Князь-бояре! Народом правили! Посходили с ума и правили, потому и бардак начался, потому вас в семнадцатом и скинули к чёртовой матери. А не выдрючивались бы, не забивали бы себе головы всякой галиматьёй, философией, глядишь бы, и до сих пор сидели. И порядок бы в мире был, может такой войны не случилось. Нет, всё испытания вам нужны! Попробовать брата зарезать, сына зарезать... А вдруг, как в библии получится? Только хрен вот! Это для дураков написано. Получится, как в жизни!.. Не дам ему сына резать!

ПРОНСКИЙ. Тогда я вынужден остаться здесь, старшина.

СЫРОМЯТНЫЙ. И тебя не оставляю.

ПРОНСКИЙ. Если на бревне не приплыву – приедешь за мной на лодке. Потом, на следующую ночь.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Вы есть Архангелы? Прошу отвечай, господа. Я старый, плохо имею зрение... Господин офицер? Господин солдат?

СЫРОМЯТНЫЙ. На войне так не бывает – взял и приплыл. Что завтра будет, что через час будет, через минуту – никто не знает, даже Дева Мария. Хватятся снятых часовых, потом генерала – крышка тебе будет! Ты это понимаешь? Ты тут больше часа не просидишь! И Бог не поможет... А если наши допросят и начнут артподготовку? Кто о тебе подумает? Да с землёй смешают и всё... Не оставляю.

Вдруг хватает Томаса, отрывает от отца.

ПРОНСКИЙ. Что?.. Что ты хочешь делать?

СЫРОМЯТНЫЙ. Не твоё дело, лейтенант. Вы все – чокнутые!.. (*Томасу.*) Пошли! Вперёд, жертва неудачного аборта! Ком, ком, агнец божий, недоносок... Из-за тебя такой сырбор!..

Уводит, почти уволаскивает из костёла. Пауза.

Картина третья

ПРОНСКИЙ. Не волнуйтесь за сына, генерал. Этот человек не сделает зла Томасу. Он очень благородный человек. И чистый.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Да-да, князь, имею полная истинная вера. Русский солдат благородный. Господь по эта причина любит и давал победа.

ПРОНСКИЙ. Когда наши войска возьмут Берлин, я позабочусь о судьбе Томаса. И о вашей судьбе, генерал. Я разыщу его.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Буду иметь обязанность, князь...

ПРОНСКИЙ. Этого мало, генерал!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Прошу не называть – генерал. Я нет генерал.

ПРОНСКИЙ. Да, помню... Чтобы я смог побыстрее отыскать вашего сына, следует закончить войну, и поскорее. Это значит – взять Берлин.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я понимаю ваш задач.

ПРОНСКИЙ. Дадите полные показания в штабе советского командования.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. О, да. Полные показаний, слово барон фон Вальдберг.

ПРОНСКИЙ. Всё равно вы дали клятву служить Господу, а это выше, чем присяга подонкам.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Господь выше. Господь выше всякий присяга. Он есть над голова и имеет хороший глаз, зрение.

ПРОНСКИЙ. Я испытал чувства... Будто и в самом деле стоят библейские времена. Как стоит погода, земля, туман на реке...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Катастроф, апокалипсис – да, да... Господин офицер, ваше звание есть лейтенант?

ПРОНСКИЙ. К чему теперь это?... Трагедия, апокалипсис...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я тоже есть лейтенант. Германский лейтенант под Перемышль. Окоп, насекомый вошь, конский мясо и газ – иприт.

ПРОНСКИЙ. Да, я это помню... А я вот лейтенант под Берлином.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Лейтенант под Премышль – испытание, плохой, тяжёлый время. Но есть юность, молодой, и много есть счастья. Хочу, имею желание быть генерал. Генерал на война – лёгкая война, красивый война.

ПРОНСКИЙ. Это точно. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Так у нас говорят.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Хорошо говорят. Это есть истина.

ПРОНСКИЙ. Только мне уже не хочется быть генералом, барон. И в лейтенантах тошно... Я тоже бы хотел служить Богу. Пресвятой Богородице, российской заступнице.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Аристократ, князь имеет обязанность служить армия, земля отцов. Чёрный народ – быдло. Армия вся имеет чёрный народ – армия быдло, плохо. Много кровь. Аристократ в армия – хорошо, мало кровь.

ПРОНСКИЙ. Да... Приходится выбирать зло. И меньшему отдавать предпочтение.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Князь, мечтай быть генерал. Чёрный народ избрать чёрный аристократ, чёрный генерал. Тогда нет надежда, тогда земля отец будет чёрный.

ПРОНСКИЙ. Нет, одна надежда есть – наказание Господнее.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Господь – благо-рвдный, Дева Мария – нет порока. Они не имеют знания наказаний. От них – есть добро, разум, благо... рвдный дела.

ПРОНСКИЙ. А как же – Навуходносор? Насланный на иудеев?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Навуходносор – нет. Навуходносор есть иудеям наказаний. Христиан – найн, нет.

ПРОНСКИЙ. Почему же моя бабушка говорила: придёт он в трёх лицах, но узнаваемый по приметам. Первый будет горбатый и с пятном, второй – беспальный, а третий – рыжий...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Князь есть идеалист. Фольклор, предания, апокриф – нет истин.

Входит Сыромятный, как тень, присаживается скромно на скамью, руки держит враспор, будто в грязи.

ПРОНСКИЙ. Отпустил?..

СЫРОМЯТНЫЙ (*отвлечённо*). Отпустил... (*Тихо, скрывая от генерала.*) Даже не чирикнул птенец...

Пронский вскакивает. Пауза. Генерал по-прежнему в благодушно-философском состоянии.

ПРОНСКИЙ. Что ты сделал?

СЫРОМЯТНЫЙ. Улетел птенец... Глаза пустые, как стреляные гильзы.

ПРОНСКИЙ. Посмотрел...

СЫРОМЯТНЫЙ. И ничего, раз пустые...

ПРОНСКИЙ. Зачем ты это сделал?

СЫРОМЯТНЫЙ. А кто бы ещё это сделал? Ты? Или папашка?

Пауза, полное замешательство, одышка, головокружение.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Истина есть служба. Лейтенант – служба плохо, генерал – очень хорошо, красив. Генерал, аристократ – истина есть.

СЫРОМЯТНЫЙ. Смог бы ты?.. Не смог. Слабый ты, не из тех князей, кто своих врагов конями рвал. Кто не думал, как Богу молиться, а молился. Кто не драл горло за любовь к Отечеству, а просто любил...

ПРОНСКИЙ. Понял... Понял тебя, старшина. Ты страшный человек.

СЫРОМЯТНЫЙ *(тихо)*. Лейтенант, что же ты так со мной... несправедливо? Это я – страшный? Князь вынудил холопа, а потом его испугался? Где же тут правда? Ты правдолюбец, лейтенант, что же теперь отступил? Возьми на себя часть груза. И пусть генерал возьмёт. Оба же хотели этого. Хотели и не смогли... Теперь я – злодей? А не ты ли хотел дать отцу нож? Не ты ли просил меня?..

Вдруг бежит к выходу, прячется, наблюдает, возвращается с оглядкой на дверь. Пронскому, настороженно.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ты ничего не заметил? Нет?

ПРОНСКИЙ. Что я должен был заметить?

СЫРОМЯТНЫЙ *(указывает)*. Там кто-то показался... Тень.

ПРОНСКИЙ. Нам пора, генерал.

Комкает лодку, готов идти.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Почему, князь, есть место издевательства? Я – барон фон Вальдберг!

ПРОНСКИЙ. Нет, я не издеваюсь, прошу прощения... Нам пора плыть, барон.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Да, да... Пора плыть. Как далеко, князь? Какая сторона плыть?

ПРОНСКИЙ. На берег. На наш берег, через холодную весеннюю реку.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Какая есть нужда плыть? Почему плыть?

ПРОНСКИЙ. Барон... Вы – военнопленный. Вы дали слово фон Вальдберга – обязаны дать показания командованию. Система обороны вашего укрепрайона, оборона Берлина.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Почему – оборона Берлина? Не понимайт... Я вас не понимайт, князь.

ПРОНСКИЙ. А я вас, барон...

СЫРОМЯТНЫЙ. Кажется, я вас понял обоих... Сговорились, белая кость, голубая кровь?

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Кто есть генерал? Барон фон Вальдберг – генерал? О, да! Сладкий сон, тайная мечта...

СЫРОМЯТНЫЙ. Да замолчите вы?.. Дайте же сказать холопу.

ПРОНСКИЙ. Что с вами, генерал? Вы же реально осознавали положение... И положение своего сына. Вы же намеревались... уподобиться библейскому Аврааму и убить Томаса.

СЫРОМЯТНЫЙ *(к одному, к другому)*. Дайте сказать?.. Вы же хотели убить его? Хотели... Только не смогли, не хватило решимости, воли. Я же избавил вас!.. *(Шарахается от входа.)* Идёт! Он идёт, смотрите!

ПРОНСКИЙ. Кто идёт?

СЫРОМЯТНЫЙ. Этот пацан! Вон же, вон, не видите? Неужто не дорезал?..

Входит Томас, приближается к Сыромятному. Тот выставляет нож, наступает. Никто больше Томаса не видит. Это борьба с призраком.

ПРОНСКИЙ. Стой! Никого нет! Там никого нет!

СЫРОМЯТНЫЙ *(вдруг)*. И правда... нет. А точно видел – ко мне шёл Томас. Сын вот этого фашиста, Томас.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ *(мечтательно)*. Когда имеешь мокрый окоп, мокрый шинель, русский снаряд и Перемышль, генерал – не видеть близко. Генерал – далеко, как звезда и Господь в небо.

ПРОНСКИЙ. Вы оба сошли с ума!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я не есть генерал. Я есть лейтенант фон Вальдберг.

СЫРОМЯТНЫЙ. Это мне наказание?.. Ах вы, суки! Уплывёте и оставите? Лейтенант? Оставишь меня тут на поживу?!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Перемышль, окоп, насекомый вошь – кусочек шпик нет!

ПРОНСКИЙ. Генерал, война с Германией проиграна. Гитлер капут!.. Мы под Берлином, генерал.

СЫРОМЯТНЫЙ. Лейтенант, не оставляй? Я же не хотел тебя бросать здесь, помнишь? Мы как-нибудь уместимся в одной лодке. Уместимся и переплывём!

ПРОНСКИЙ. Не уместимся. Нам нельзя в одной лодке. Не хочу, не могу с тобой плыть. Ты убил, ты принёс кровавую жертву.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Я не имею желаний плыть. Я хочу сидеть свой окоп и мечтать о генерал!

ПРОНСКИЙ. Какого чёрта, барон? Ты генерал вермахта и дашь показания командованию! Ты поплывёшь на нашу сторону!

СЫРОМЯТНЫЙ. Не возьмёшь?.. Ладно, лейтенант, не бери. Думаешь, я погибну? Хрен тебе! Хрен вам всем! Я детдомовский, у меня такая живучесть...

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Допрос – нет мысль. Лейтенант, пехота, окоп – нет показаний. Я не имею информация, знаю свой солдат – двадцать и три штык, один километр окоп, вошь, мясо, иприт...

ПРОНСКИЙ. Барон фон Вальдберг!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Да-да, я есть барон...

СЫРОМЯТНЫЙ. Сговорились, князья... Как же так? А меня – за борт?

ПРОНСКИЙ (*уговаривает*). Генерал, опомнись. Сейчас сорок пятый год. Нет Перемышля! Есть Берлин! Есть сын Томас!

ФОН ВАЛЬДБЕРГ (*покорно*). Есть Берлин – Томас нет. Есть Перемышль – нет генерал...

СЫРОМЯТНЫЙ. Ладно, пусть будет так. Только я не утону, я лёгкий, и если есть грех – не мой, ваш на себя взял. И камня за пазухой нет, ко дну не потянет.

ПРОНСКИЙ. Ну всё, генерал. Идите вперёд, всё равно поплывём. Ночь на исходе, скоро солнце взойдёт.

Уходят. Сыромятный остаётся один. На ходу.

ФОН ВАЛЬДБЕРГ. Слушаюсь, господин офицер. Господь всюду имеет своя воля. Мечта – его воля, плавать на какой берег тоже есть мысль Бог, не человек.

Мимо них, незамеченный, проходит в костёл Томас-призрак. Направляется к Сыромятному.

СЫРОМЯТНЫЙ. Опять ты... Так со мной и будешь теперь?.. Видишь, они ушли и бросили меня. Ещё говорят, вера у них. Где она, вера, если меня предали?.. А ты же знаешь, я их спас! Разве лейтенанта не спас? Не принял его грех на себя, не пострадал за него?.. И отца твоего тоже спас. Что было бы с ним, возьми он и убей тебя? Своей рукой? И подумать страшно... (*Пауза.*) По секрету скажу, ещё одного человека спас, который в вашем фашистском логове работает. Только тихо!.. А сколько солдатских жизней? Кто их сочтёт? И знать-то не будут, отчего головы не сложили, а остались невредимыми... (*Пауза, подходит близко*). Да и тебя ведь тоже спас, от всех будущих грехов... Я – спаситель, а они взяли меня и бросили... Слепые, что ли? Или уж так заведено?

Пауза, безмолвие. Идёт к распятию – Томас тенью за ним. Сыромятный тихо смеётся.

СЫРОМЯТНЫЙ. Да ведь я же сам спасусь и воскресну. И ещё поглядим, кто доплывёт до того берега! Ну-ка, помоги мне? Нет? Не хочешь?.. Ладно, понесу один, если никто больше не хочет.

Поднимает распятие, взваливает на спину – распятый с другой стороны. Тяжело, горбится, несёт к выходу.

СЫРОМЯТНЫЙ. Ничего, что тяжёлый. Зато плыть надёжно. Эта лодка не опрокинется, не потечёт. Только бы донести, только бы донести...

Несёт, гнётся и следом – молчаливая тень жертвы.

Занавес

Свадебное путешествие

Комедия абсурда в двух действиях

Действующие лица

МУРОМЕЦ, президент компании, 55 лет.

МОНИКА, его жена, бывшая секретарша, 22 года.

ПАНИ ЯДВИГА, его тёща, неопределённого возраста.

КВАСНИКОВ, начальник службы безопасности, 33 года.

Действие первое

Картина первая

Двухкомнатная «хрущёвка» на первом этаже. Часто пушечным выстрелом хлопает подъездная дверь, на что никто из домашних не обращает внимания. В передней огромный вазон – то ли пепельница, поскольку сюда стряхивают пепел, то ли ваза для цветов по семейным праздникам. Пока из него торчит ложка для обуви, чей-то ботинок и засохшая ветка.

Входит МУРОМЕЦ с матрацем под мышкой. Открыл дверь своим ключом, разулся, достал из пакета тапочки. ПАНИ ЯДВИГА с привычками старой барыни, но по-воровски, примеряет шорты, майку и прочие тряпки, красуется перед зеркалом и одновременно смотрит телевизор, который постоянно включён. Рядом – два огромных полураспотрошённых чемодана. Бельё, зонтик от солнца, пляжные шляпки – будто бы собирается в жаркие страны. Иногда плохо слышит, но видит сквозь стены – это её нормальное состояние. МУРОМЕЦ гасит окурок в вазоне, крадётся мимо её двери к комнате, где МОНИКА пылесосит полы. Мама с дочкой примерно одинакового телосложения. Стучит.

МОНИКА (*устало*). Не заперто, входите...

ПАНИ ЯДВИГА (*громким шёпотом, через дверь*). Вы бы прислугу из отпуска вызвали! Жена с утра до вечера в грязной работе, не стыдно? А ещё президент! В каких условиях содержите мою дочь? Она что вам, рабыня Изаура? Женились на молоденькой, так будьте добры обеспечить быт! И не только быт... Жалоба на вас, ничего не можете... обеспечить!

МУРОМЕЦ. Я все могу... обеспечить!

ПАНИ ЯДВИГА. Тогда входите ко мне, я посмотрю! Что вы можете...

МУРОМЕЦ (*стучит*). Между прочим, у нас с женой есть семейные тайны! Которые вас не касаются!

ПАНИ ЯДВИГА. Меня всё касается! Что касается... моей дочери!

МУРОМЕЦ (*себе*). Ведьма. Чтоб ты сдохла... Что ты можешь понимать в любви?

ПАНИ ЯДВИГА. О, в любви я всё понимаю! Можно сказать, век свой коротаю во имя любви!.. Кстати, я собираюсь на приём в посольство Гвинеи Бисау. Не посоветуете, что мне надеть?

МУРОМЕЦ. Набедренную повязку!

ПАНИ ЯДВИГА. Ах, это бы замечательно!.. Но боюсь, будет выглядеть несколько экстравагантно... Посмотрите, вот такой наряд подойдёт?

МУРОМЕЦ (*в негодновании, толкает дверь плечом*). Открой, дорогая! Это я! Пожалуйста, поскорее. Иначе я твою маму...

МОНИКА. Кто там? Ну что ломитесь?

ПАНИ ЯДВИГА (*всё через дверь, вдруг как часовой*). Что у вас в руках? Отвечайте!

МУРОМЕЦ. Это?.. Это мои личные вещи!

ПАНИ ЯДВИГА. Я вижу: у вас матрац! Который пора выбросить на помойку!

МУРОМЕЦ. Да, матрасишко поношенный, но двуспальный. И обладает ортопедическими свойствами.

ПАНИ ЯДВИГА. Ах, вы ещё и инвалид?

МУРОМЕЦ. Поясницу ломит... Как говорят, если утром проснулись, и у вас ничего не болит, значит вы умерли.

ПАНИ ЯДВИГА. Только покойников в доме не хватало...

МУРОМЕЦ. Пока вилла в ремонте, буду жить у вас. Мы так с Моникой договорились. Она мне дала ключ.

ПАНИ ЯДВИГА. И это все ваши вещи?

МУРОМЕЦ. А зачем их туда-сюда таскать? Взял свой любимый матрасишко, тапочки вот...

ПАНИ ЯДВИГА. Что у вас в кармане?

МУРОМЕЦ. В каком? *(Хлопает себя.)*

ПАНИ ЯДВИГА. Во внутреннем, во внутреннем...

МУРОМЕЦ. Сюрприз для вашей дочки, пани Ядвига!

ПАНИ ЯДВИГА *(себе)*. Сюрприз... Будто я не вижу, какой там сюрприз... *(Громко.)* Я просила вас, не называйте меня так!

МУРОМЕЦ. Хорошо, баронесса, а как?

ПАНИ ЯДВИГА. Мама!

МУРОМЕЦ. Мама?..

ПАНИ ЯДВИГА. Так что у вас в кармане?

МУРОМЕЦ. Билеты, турпутевки... мама! У нас свадебное путешествие!

Моника услышала, вылетает из комнаты, виснет на шее Муромца. Тот подхватывает её на руки, кричит – спина болит. Пани Ядвига снова переодевается, швыряет вещи в чемодан.

МОНИКА. Мой президент! Мой император! Всемогуший!.. Как я счастлива! Наконец-то мы едем в свадебное путешествие! Я так долго ждала этого часа!.. *(Шёпотом.)* И заставила маму собирать вещи! Две недели укладывает чемоданы!

ПАНИ ЯДВИГА *(громко)*. Император!.. Полюбуйтесь на него!.. Нашла императора... Да разве нынче есть императоры? Мыльные пузыри! Вот я помню настоящих! И президентов, и императоров...

МОНИКА. Мама, ты собрала вещи?

ПАНИ ЯДВИГА. Собрала!.. Когда мне исполнилось двадцать два!.. И я отправилась в круиз, на пароходе «Титаник»... Вот там был настоящий... президент!

МОНИКА *(ласкаясь к мужу)*. Мама, но он же утонул!

ПАНИ ЯДВИГА. Кто утонул?

МОНИКА. «Титаник»!

МУРОМЕЦ *(шёпотом)*. Она раньше просила, чтоб называл её пани Ядвигой, теперь требует, чтобы мамой. Но ты пойми, Моника, я не могу...

МОНИКА. Дорогой мой... Не обращай внимания!

МУРОМЕЦ. А почему её так зовут – пани Ядвига? Она что, полячка?

МОНИКА. Да что ты, милый!.. Она всю жизнь ходит на посольские приёмы, а туда простых смертных не пускают. Она и назвалась польской баронессой. А сама языка не знает, зато великолепно говорит с акцентом. И меня назвала на польский манер – Моника! Своё имя терпеть не могу... Впрочем, может, и правда баронесса, не знаю. Прошлое моей мамы покрыто мраком.

ПАНИ ЯДВИГА. Да-да, я вспомнила! Это был не «Титаник»! Пароход назывался «Атлантик»!.. Но тоже утонул!.. На нём был один мужчина! Да... Ах, какой это был мужчина!.. Сначала плыл впереди меня, потом стал отставать... Обессилел, бедный. Я ему кричала – не опускайтесь на дно! Вы столько уже проплыли! Вон уже скоро берег!.. Он не слышал. Или не понимал – я же кричала на английском. Видела только его прощально поднятую руку над волнами!.. А на «Титанике» был совсем другой мужчина, капитан. Его звали сэр Эдвард Джон... *(Плачет.)* Сэр Джон, моя первая и страстная любовь... Много мировых тайн и загадок унесли мы с сэром Джоном на дно океана!..

МУРОМЕЦ. Сколько же ей лет, если она плавала на «Титанике»?

МОНИКА. Этого никто не знает... Не обращай внимания на её возраст, она телевизора насмотрелась и теперь заговаривается. Всё в голове смешалось... И всё-таки, дорогой, чтобы не ссориться, зови мамой.

МУРОМЕЦ. Как скажешь, моё сокровище!.. Надо же, два парохода утонули, а ей хоть бы что!

ПАНИ ЯДВИГА. Конечно же «Атлантик»! И не спорьте со мной... Большой такой, белый! И затонул в Индийском океане! Сел на рифы!.. И «Титаник» отлично помню!.. Говорят, сейчас хотят новый построить. Как только на воду спустят, обязательно поплыву!.. Да... А на «Атлантике» даже один президент находился, звали пан Станкевич! Бедный, утонул! Что-то тяжёлое вёз с собой, а чемодана бросить не захотел. Я ему кричала: «Пан Станкевич! Бросьте этот проклятый чемодан!»... Потом узнала, это был ядерный чемоданчик.

МОНИКА. А у нас какой теплоход? Мы не утонем? (*Смеётся.*)

МУРОМЕЦ. Что ты, дорогая! Совсем новенький лайнер! Небольшой и очень уютный. Команда в белых робах, официанты во фраках, сервис... «Милиционер Гвоздев».

МОНИКА. Мама, ты опять всё перепутала! Станкевич был депутат! Потом что-то украд и убежал в Польшу! (*Мужу.*) Какой милиционер?

МУРОМЕЦ. «Гвоздев», слышала?

ПАНИ ЯДВИГА (*барственно*). Не знаю, не знаю... Потом его по телевизору часто показывали. Генерал!... (*Себе.*) А я была такая... очаровательная! Он увидел меня на палубе. Я стояла, держась за леера... Белые перчатки, белый шарф вьётся... Он подошёл ко мне, поклонился и представился... Генерал Пиночет!

МОНИКА. Дорогой, а при чём здесь этот милиционер?

МУРОМЕЦ. Так лайнер называется.

Моника спрыгивает с рук, выхватывает конверт с путёвками и билетами.

МОНИКА. Это что? Наш теплоход?

МУРОМЕЦ. Наш, но где построен! На каких верфях!

МОНИКА. А визы? Ты сделал визы?

МУРОМЕЦ. Нам они не нужны, милая! (*Пытается привлечь к себе.*) Для нас с тобой открыли весь мир...

МОНИКА. Ничего не понимаю!.. Почему здесь написана глупость – «Беломороканал»? У нас же кругосветка?..

МУРОМЕЦ. Есть Суэцкий канал, Панамский... А есть Беломоро-Балтийский.

ПАНИ ЯДВИГА. Да!.. Мой милый генерал!.. А я опустила глазки и очень скромно ему – пани Ядвига... Он загорелся, страстно так схватил мою ручку и говорит: «О, пани Ядвига! Какое у вас имя!.. Ядвига!.. Оно мне что-то напоминает!..»

МОНИКА. Мама! Ты только посмотри, какой он круиз устроил!

МУРОМЕЦ. Но дорогая! Какая там природа! Какой климат!

МОНИКА. Природа?.. Климат?.. Мама! Он издевается надо мной! Вместо обещанного кругосветного путешествия – двухдневная поездка по Беломору! На выходные!

МУРОМЕЦ (*вдруг начальственно*). Моника! Сейчас очень много дел! И путешествовать несвоевременно!

МОНИКА. Но ты же обещал! Что ты мне говорил?

МУРОМЕЦ. Обещал, когда ты была секретаршей. А теперь, дорогая, ты – жена! И должна понимать, муж занимается очень важными делами!

МОНИКА. А-а! Секретарш можно таскать по круизам! Этим стервам хоть Канары, хоть Сейшелы, хоть сафари в Африке! Ненавижу этих твоих сучек! (*Плачет.*) А бедной, несчастной жене... Сидеть в этих стенах... Стоять у плиты... Когда починят крышу нашей виллы?

МУРОМЕЦ. Обещали через месяц... Нет в наличии настоящей английской черепицы.

МОНИКА. Вилла в ремонте, машина в ремонте, прислуга в отпуске! И ещё вместо кругосветного – досуг выходного дня! (*Вдруг.*) Мама, иди сюда! Посмотри на своего зятя! Кто им восхищался?! Выйди, полюбуйся ещё!.. Мама?!

ПАНИ ЯДВИГА (*всё слышит, но себе*). И тут я спрашиваю: «Скажите мне, пан Валенса, а отчего киты выбрасываются из океана на сушу? Это самоубийство, да?» А он: «О, Боже! Пани Ядвига! Неужели вас интересуют такие серьезные вопросы? Вы же созданы для любви!». Я ему: «Пан Луначарский, я просто очень люблю китов. Это такие огромные... животные...»

МОНИКА. Мама, не прикидывайся! Ты едешь с зятем в круиз!

МУРОМЕЦ. Что?! Я еду с этим Ядом... С этой... мамой в круиз?

ПАНИ ЯДВИГА (*появляясь с чемоданами, на груди уже георгиевский крест*). С мамой, зять. С мамой! По Беломоро-Балтийскому каналу. По каналу моей молодости! Я же его строила! Ах, какая грандиозная была стройка! С каким размахом!.. Это для меня возвращение в молодость. Я так вам благодарна, милый мой зять!.. Там такая природа, такой климат... Я же много путешествовала по советскому Заполярью, особенно после того, как заказали пана... Ах, простите, товарища Воровского!

МУРОМЕЦ (*Монике*). Но это же... свадебное путешествие! Медовый месяц с тещей?

ПАНИ ЯДВИГА. Не смейте называть меня этим гадким прозвищем! Я же этого не достойна!

МОНИКА. Всего два дня, а не месяц! Два медовых дня! И не смей называть маму Ядом! Она этого не достойна!

МУРОМЕЦ *вырывает бумаги у Моника, пихает их в вазон – та отнимает.*

ПАНИ ЯДВИГА. Так и быть, позволяю! Зовите как раньше, просто пани Ядвига! Это меня молодит. Чемоданы собраны, сударь! Нас ждёт «Милиционер Гвоздев»!

Мама с дочкой впихивают ему в руки по чемодану. МУРОМЕЦ в негодовании и замешательстве, уводят под конвоем. Громко хлопает подъездная дверь. Затемнение.

Поздний вечер. Моника в квартире одна, в халате, часто выглядывает в окно, пытается кому-то позвонить – не отвечают – скучает. Ложится на постель, потягивается. С оглядкой к входной двери подходит КВАСНИКОВ: короткая стрижка, цепь на шее, сотовый телефон – эдакий «новый русский». Вскрывает замок отмычкой, крадётся по квартире, заглядывает в спальню Моника, затем стучит.

МОНИКА (*тоскующе*). Входите, не заперто...

КВАСНИКОВ (*входит*). Привет, киска.

Моника зажимается в угол, ужас.

КВАСНИКОВ. Ну чего ты, девочка?.. Не узнала?.. Короче, где шеф?

МОНИКА. Я не девочка, я жена президента!

КВАСНИКОВ. Ладно дуру валять... Где?

МОНИКА. Как вы себя ведёте? (*Отступает под напором.*) Убирайтесь отсюда! Хам!

Квасников пинком открывает одну дверь, другую – пусто...

КВАСНИКОВ. Мне нужен император.

МОНИКА. Его нет... Уехал, уплыл в свадебное путешествие! Вокруг света! Ещё утром, на «Милиционере Гвозде»!

КВАСНИКОВ. С кем?

МОНИКА. С мамой... Со своей тещей!

КВАСНИКОВ. Оригинально... Когда обещал вернуться?

МОНИКА. Через два дня.

КВАСНИКОВ. За два дня вокруг света?.. Книга Гиннеса... Жалко, опоздал!... (*Осматривается.*) Не квартира – берлога какая-то! Бедный старик! А такими деньгами ворочал! Мог бы не только виллу за городом – замок выстроить... Хоть бы заначку сделал, на похороны.

МОНИКА (*возмущённо*). Что это значит? Что вы... себе позволяете?!

КВАСНИКОВ. Чего это ты меня на вы-то? Мы же вроде на ты были...

МОНИКА. Наглец! Я Моника МУРОМЕЦ!

КВАСНИКОВ. Да, забыл... Теперь жена, светская дама, императрица... Пошли в оперу?

МОНИКА. В какую оперу?!

КВАСНИКОВ. Не знаю в какую... Ни разу не был. А ты, конечно, была?

МОНИКА. Была!.. Со своим мужем!

КВАСНИКОВ. Тогда скажи, киска, чего они там все поют? И не поймёшь ни слова!

МОНИКА. С суконным рылом и в калашный ряд!..

КВАСНИКОВ. Ну-ну! А кто тебе дорогу открыл? (*Лёг на постель, покачался.*) Удобный матрац!.. Кто к императорскому телу допустил?.. С суконным рылом...

МОНИКА. Не забывайтесь!

КВАСНИКОВ (*пытается приласкать*). Вижу, ты скучаешь, киска...

МОНИКА (*в недоумении и гневе*). Это кошмар! Какое неуважение! Какая киска?!.. Ворвались в дом самого президента!.. Где его жена в полном одиночестве!..

КВАСНИКОВ. Да будет тебе... Жена президента... Твой муж давно не президент!

МОНИКА. Как – не президент? А кто?

КВАСНИКОВ. Теперь уж покойник! (*Крестится.*) Царство Небесное!

МОНИКА. Мой муж президент!

КВАСНИКОВ (*утешает*). Крепись, ты теперь не киска и даже не девочка. Ты теперь называешься хорошим русским словом – вдова! Такова жизнь. Компания вылетела в трубу – не страшно. Долги, наезды, стрелки... (*Вздыхает.*) Тоже ничего, обычная текучка. Но когда его заказали...

МОНИКА. Что значит – заказали!?

КВАСНИКОВ. Эх, не успел... Теперь поздно. Всё-таки не плохой был мужик, бесребреник, лох, а их всегда жалко... Может, мы его помянем? Выпить есть?

МОНИКА. Как это – заказали?!

КВАСНИКОВ. Будто не знаешь!.. Пиф-паф, и нет больше старика. А в морском круизе мочить клиентов очень даже удобно. Концы в воду...

МОНИКА. Его убьют?!

КВАСНИКОВ. Обязательно.

МОНИКА (*взволнованно*). Нет, не может быть! Вы гнусный шантажист! Мой муж занимался честным бизнесом! Ни разу никого не кинул! Не подставил! Не сдал!

КВАСНИКОВ. Потому и разорился!

МОНИКА. Он даже меня не кинул и женился!

КВАСНИКОВ. Потому и женился, что дело – труба!..

МОНИКА (*после паузы*). Пока я была... его референтом, компания процветала! Всё было замечательно! Стоило выйти замуж, выпустить из рук, отвлечься... Но это же невозможно – жена и секретарша в одном лице! Я сделала выбор...

КВАСНИКОВ. Неудачный выбор!.. Хотя, при тебе всё и началось!

МОНИКА. При мне?! Да как вы посмели?!

КВАСНИКОВ. Он же в тебя... влюбился, как пацан. Голову потерял! Готов был компанию разорить... Подарки преподносил! Автомобили, дачи... Это то, что я знаю... Была империя Муромца. Империя! Министры перед ним, как шестёрки. Потому что император!.. А сейчас где всё?

МОНИКА (*угрожающе*). Считаете, из-за меня нельзя голову потерять?

КВАСНИКОВ. Ну и что ты получила?! Осталась в этой берлоге? С шишом в кармане? А завтра ещё и труп получишь! Знаешь, сколько стоят нынче похороны?

МОНИКА. Сколько?

КВАСНИКОВ. Во много раз дороже, чем заказать и грохнуть. Один гроб сорок тысяч баксов! Хоронить-то придётся, как императора... Сидела бы у него в предбаннике, куда я тебя посадил. Получала подарки... Нет, всё хапнуть захотелось! Выбор она сделала... Ну что, плохо тебе было? Помнишь, как мы с тобой отдыхали на Мёртвом море?.. Император даже и не знал...

МОНИКА. Не смейте! Замолчите!

КВАСНИКОВ (*после паузы*). Киска, у тебя есть мечта?

МОНИКА. Прекратите хамить! Я выставлю вас из дома!

КВАСНИКОВ. А у меня есть... Хочу стать прокурором. Грозный голос!.. Обвинительный и бесстрастный!

МОНИКА. С вашим прошлым – в прокуратуру?.. Если это когда-нибудь исполнится...

КВАСНИКОВ. Когда твоя мечта исполнилась, и шеф на тебе женился, я так же подумал. Это звезда нашей конторе.

МОНИКА. Но почему?

КВАСНИКОВ. Иначе на секретаршах не женятся. Их просто меняют, меняют, как автомобили, мебель, дизайн...

МОНИКА. Это жестоко! Это!.. Это!..

КВАСНИКОВ. Жестоко, но необходимо. Иначе получается такой финал, как у тебя, киска.

МОНИКА. Нет, как он жестоко обманул меня!

КВАСНИКОВ. Ну да, лучше бы поменял...

МОНИКА (*себе*). Двухдневный круиз... Дела важные... Подлая ложь! (*Квасникову*.) Кстати, что с его загородной виллой? Сказал, строители подвели, крыша обвалилась, поэтому придётся пожить здесь...

КВАСНИКОВ. Крыша и в самом деле обвалилась... А виллу за долги забрали. Твою дачу тоже, киска. И «Мерседесы», и даже «Линкольн». Прислуга уволена, счета в банках под арестом...

МОНИКА. За долги? Когда же Муромец успел надеть долги?!

КВАСНИКОВ. Когда! Будто не знаешь... На такие бабки попал – ужас! На его месте стреляться надо, а он женился.

МОНИКА. Подлец!.. И между прочим, на молодой девушке!.. Чтобы сделать её несчастной, одинокой... (*Плачет, вдруг.*) Коля... Ты же начальник службы безопасности мужа, можно сказать, друг семьи... Скажи, а счета в зарубежных банках? Недвижимость? Тоже за долги?..

КВАСНИКОВ. Что?.. Это ты о чём?.. У него есть счета и недвижимость за рубежом? Я не ослышался?

МОНИКА (*не сразу*). Есть. А ты разве ничего не знаешь?

КВАСНИКОВ. С дуба падают листья ясеня... Ты от кого такую информацию получила? Сама видела? Слухи? Или... император проговорился?

МОНИКА. Он проговорится, как раз... Однажды ночью я взяла ключ и заглянула в его секретный сейф... Это ещё до замужества... Счета в швейцарском банке, в Соединённых Штатах, вилла на Мальте, дом в Париже он купил для меня, но молчит!.. Ещё какой-то лыжный домик в Альпах... Неужели всё пропало?

КВАСНИКОВ. Обалдеть! Вот тебе и лох! Бессребреник!.. И ведь ни звука! Ни намёка!..

МОНИКА. Не арестовали? Нет?.. Ну, говори, Коля! Что с тобой?

КВАСНИКОВ. Ничего... Ну, император! Кто бы мог подумать?

МОНИКА. Неужели я осталась... без всяких средств? (*Плачет.*)

КВАСНИКОВ (*жалеет*). Бедная жена! Такая юная, а уже вдова... Нет, там всё цело! Если он перебрал своё состояние за кордон, там надёжно. Это я говорю, как юрист и друг семьи!

МОНИКА. Послушай, Коля...

Хлопает дверь. Квасников выхватывает пистолет, прыгает к окну, водит стволом.

МОНИКА (*спокойно*). Это дверь хлопнула, не бойся... Коля, его обязательно убьют?

КВАСНИКОВ. Сто процентов. Там с предоплатой работают... Надо же, ну, старик!..

МОНИКА. Но он поехал с мамой! То есть, со своей тещей!

КВАСНИКОВ. Если бы со взводом телохранителей, а то с тещей!..

МОНИКА. Да ты мою маму не знаешь! Она такой телохранитель!..

КВАСНИКОВ. Если заказали, уже ничто не спасёт. (*Включает телевизор.*) Садись, посмотрим. Обычно передают, информация для заказчика...

МОНИКА. С мамой его не убьют!

КВАСНИКОВ (*утешает*). Мужайся, девочка. Зуб даю – уже грохнули. И контрольный выстрел в затылок. Завтра надо гроб купить приличный, место на кладбище. Всё-таки экс-президент... Забот теперь! Я, как друг семьи, обязан похлопотать.

МОНИКА. Коля, ты в школе учился?

КВАСНИКОВ. Ну.

МОНИКА. Помнишь, был такой лорд Керзон?

КВАСНИКОВ (*подумал*). Кликуху Лорд помню, но фамилия у него была другая... И не в школе.

МОНИКА. Да по истории учили! Еще ультиматум выдвинул!

КВАСНИКОВ (*не вспомнил*). Ну...

МОНИКА. Думаешь, куда он потом делся?

КВАСНИКОВ. Куда?

МОНИКА. С мамой познакомился.

КВАСНИКОВ. Что она с этим Керзоном сделала?

МОНИКА. А слышал про Карибский кризис?

КВАСНИКОВ. Чёрный понедельник? Это когда американские баксы полезли?..

МОНИКА. Не баксы, а ихний президент Кеннеди стал наезжать... И знаешь, почему не наехал?

КВАСНИКОВ. А, это тот, которого заказали и грохнули? Слыхал!..

МОНИКА. Это потом заказали. А сначала он с мамой познакомился, в овальном кабинете.

КВАСНИКОВ. Нет, ты не расстраивайся. Тут мама не поможет. Если заказ есть, исполнение гарантировано. Пиф-паф... Там бизнес серьезный, не кидают... Давай смотреть! Сейчас передадут, может даже покажут.

МОНИКА (*вдрызг*). Что, если и маму?.. Как свидетеля?..

КВАСНИКОВ. На маму заказ не поступал. У нас бесплатно никого не мочат, не профессионально...

МОНИКА (*прижимается*). Я боюсь!

КВАСНИКОВ. Правильно, бойся. Ты теперь жена, могут взять заложницей... Выколачивать долги, пытать, например, утюг сюда вот, на живот, на попку... Счета в Швейцарии и Штатах, недвижимость, это серьезно.

МОНИКА. Не трогай меня!

КВАСНИКОВ. Я как друг семьи потрогал!

МОНИКА. С чего ты решил, что друг семьи?

КВАСНИКОВ. Сама сказала – друг семьи. Не могу же я бросить в скорбный час жену императора?

МОНИКА. Оставь меня... Буду оплакивать одна...

КВАСНИКОВ. Мы оплачем его вместе.

МОНИКА. Убирайся!

КВАСНИКОВ. Не теряй голову. Крепись! Они того и ждут, чтобы ты осталась одна.

МОНИКА. Кто – они?..

КВАСНИКОВ. Кто-кто... Заказчики! Ворвутся и... Не за это место, и не за это... Пакет на голову! А паяльник!.. Знаешь, куда вставят паяльник?! Если бы знала, куда... Ладно, уйду! Оплакавай!.. Потом я тебя... оплачу... Так же, в одиночестве...

Собирается, проверяет пистолет.

МОНИКА. Коля... Ты настоящий друг... семьи... Мне кажется, ты даже... больше, чем друг.

Квасников прячет лицо, машет рукой, потом крутит ручку замка – в обратную сторону.

МОНИКА. Это правда?.. Правда!.. Я не знала... Ты меня любишь, я чувствую.

КВАСНИКОВ. Это кощунство... Не имею права! Тело твоего мужа ещё не остыло...

МОНИКА. Коля... Не уходи! Я боюсь!

КВАСНИКОВ. Не могу... Я буду охранять тебя, возле дома. Услышишь выстрелы – ложись на пол... А я буду драться до последнего патрона!

МОНИКА. Ты должен остаться со мной! Пока мама не вернётся! Или пока... Неужели ты оставишь в беде несчастную юную вдову? А если меня схватят? И начнут пытаться? Утюгом – сюда... или сюда... Ты обязан охранять моё тело!

Квасников замирает у двери. Затемнение.

Картина вторая

Раннее утро. По улице бредут МУРОМЕЦ с тётцей. Он – в драных шортах и рваной тельняшке, голова перевязана, едва тащит чемоданы. ПАНИ ЯДВИГА тоже в шортах и пёстрой майке, на груди – георгиевский крест, на шее – гипсовый воротник, лицо в заплатках пластыря – плетётся сзади.

МУРОМЕЦ. Мама! Вы можете побыстрее двигать вашими... ногами?! И вообще, что наложили в эти чемоданы? У меня руки вытянулись ниже колен, как у гориллы! Мамочка...

ПАНИ ЯДВИГА. О, мой рыцарь! Я от вас в восторге!.. Вы напоминаете мне того мужчину с «Атлантика»... Он был таким же благородным человеком и плыл всё время впереди!.. Или капитана с «Титаника»! Его звали сэр Эдвард Джон!.. Я стояла с ним рядом, на мостике, когда мы тонули! Ах, как мы тонули!.. Медленно, печально, и в этом была такая эротика!..

МУРОМЕЦ. Из-за вас, мама, и потонул «Милиционер Гвоздев»! Стоит вам ступить на палубу!..

ПАНИ ЯДВИГА. О, да! Из-за меня! Я должна признаться! Восстановить историческую справедливость! Из-за меня!.. Сэр Джон ласкал мою шейку! (*Показывает гипс.*) Вот так!.. Потом вот так!.. Мы не заметили айсберг!.. Потому что он был скрыт под волнами любви!..

МУРОМЕЦ. Я говорю – «Милиционер Гвоздев»!

ПАНИ ЯДВИГА. О, а как милиционер ласкал!..

МУРОМЕЦ. Тьфу, ты!.. Уши мыть надо!

ПАНИ ЯДВИГА. Да-да, уши!.. Признаться вам, сударь, уши – эрогенная зона. (*Догоняет спутника.*) Прикоснитесь к ушам, к мочкам... Какой восторг!.. Сэр Джон прикоснулся, и мы забыли отдать команду. О, мы забыли обо всём!.. И в этот миг раздался оглушающий треск! «Титаник» переломился пополам!.. А тот мужчина с «Атлантика» даже не прикасался ко мне!..

МУРОМЕЦ хватает чемоданы, переносит на несколько метров – бросает. ПАНИ ЯДВИГА падает.

МУРОМЕЦ. Нет больше сил!.. Ну что можно положить в эти чемоданы?! Эй, пани Яд... Мама! Какого чёрта вы разлеглись! (*Ставит её на ноги и озирается.*) Какой позор! Подумают ещё, пьяную старуху ташу... Не Моника, так я б тебя – в мусорный бак и крышкой сверху!..

ПАНИ ЯДВИГА. Ах, сударь! Я так вам благодарна! Нет, всё было замечательно! Столько впечатлений!.. *(Пытается приласкать.)* Вы такой мужчина, такой внимательный... Если бы ещё взяли извозчика!..

МУРОМЕЦ. Может, карету вам, сударыня?..

ПАНИ ЯДВИГА. Да, простите, такси! Я всё ещё витаю в прошлом веке!.. Ещё бы такси!..

МУРОМЕЦ *(в сторону)*. Чучело! Старая вешалка! Посмотри на себя, кто остановится?.. И вот крест? Крест зачем напялили? Это же не украшение!.. Тебе бы другой крест. Или кол осиновый!..

ПАНИ ЯДВИГА *(гордо)*. Вам нравится, да? Моя первая награда... Вы думаете, прогуливаетесь просто... с очаровательной женщиной? Нет, с георгиевским кавалером!

МУРОМЕЦ *(хватается за голову, тоскливо)*. Мама, нам нужно идти! Я не спал и валюсь с ног!

ПАНИ ЯДВИГА. Пойдите, мой спутник! Вы спрячьтесь, а я остановлю машину! Водители, они такие... Они всегда хотят... снять женщину с бордюра! Я их знаю! Они специально выезжают снимать и рыщут в поисках удачи, как охотники. Особенно после бани!..

МУРОМЕЦ. Какой бани, мама?!

ПАНИ ЯДВИГА. Да обыкновенной русской бани или сауны!.. Однажды у меня было великолепное приключение!.. Едет кортеж, такие большие, чёрные машины, эскорт...

МУРОМЕЦ. Если ты сейчас не пойдёшь!.. *(Озирается.)* Тебя после этого всю в гипс закатают! Ты у меня в печёнках сидишь! Ты уже таких глубин достала!..

ПАНИ ЯДВИГА. Что я слышу?.. *(Тоже озирается.)* Вы с ума сошли!.. Это так неожиданно... Молчите! Вы просто находитесь под впечатлением путешествия, скупой северной природы, повышенная чувствительность!.. Вижу, молчите! Я в вашем сердце!.. Нет, не признавайтесь, несолидно на улице... Да, милый мой мальчик, с мужчинами это часто бывает. Право же, не знаю, что ответить!

МУРОМЕЦ в бешенстве хватается за чемоданы, прёт их без оглядки – ПАНИ ЯДВИГА настигает.

МУРОМЕЦ. О, боже!.. А вдруг и дочка её к старости такая же будет?

ПАНИ ЯДВИГА. Я тоже вспомнила о ней! Вы женились на моей дочери! Вы женатый мужчина!.. Разве можно так по-юношески, пылко, безответственно... Нет, я не осуждаю вас! Ах, сердце! Разве ему прикажешь?.. Но что теперь будет с бедной маленькой Моникой?!

Оглядываясь, МУРОМЕЦ пробует на вес зонтик, ищет, что потяжелее. Не находит, задыхаться готов, надвигается.

МУРОМЕЦ. Я тебя сейчас!.. О, что я с тобой сделаю!

ПАНИ ЯДВИГА. Мавр! Истинный!.. Но со мной нельзя так страстно... *(Показывает на гипс.)* И не здесь!.. Какой нетерпеливый... Нас увидят! Туда! Там есть очень уютный сквер!

ПАНИ ЯДВИГА хватается за чемоданы, громким шёпотом. За мной!.. Ну идите, идите же, дурачок... Ах, какой вы темпераментный мужчина!

Рассвирепевший зять бросается за тётцей. Оба исчезают.

То же раннее утро. Моника встаёт с постели, набрасывает халат, сладко потягивается. Квасников спит беспробудно. Треплет его за нос, за уши.

МОНИКА. Эй, служба безопасности? Во спит! Всю ночь бдел, служил... Коля?.. Всё равно вставай! Как друг семьи, ты должен гробик купить, местечко на кладбище... Вставай!.. Ну, просыпайся!

КВАСНИКОВ *(мычит)*. Гробик... Закажу... *(Достает из-под подушки сотовый телефон.)* Сейчас... Люкс-президент, сорок тысяч баксов...

МОНИКА *(включает телевизор, уходя)*. Вставай и приходи на кухню. Я сварю кофе... У нас ещё впереди целые сутки!

Уходит. Квасников тут же засыпает. Моника открывает окно на кухне, поёт, потягивается и вдруг в ужасе отшатывается. На улице появляются МУРОМЕЦ с тёщей: она едет верхом на зяте, чемоданы в руках. Моника бросается в спальню, трясёт Квасникова. Тот лежит трупом.

КВАСНИКОВ (*мычит*). Гроб заказал... Ну что ещё?.. Всю ночь ни минуты... И сейчас... Бедный старик... Сочувствую...

МОНИКА (*пытается стащить с постели*). Вставай! Прыгай в окно! Да вставай же ты! *Бесполезно! Тут хлопает дверь и почти сразу звонок в дверь. Моника выскакивает в коридор. ПАНИ ЯДВИГА сидя верхом, давит кнопку. Всё, не спрятать! Делает заспанный вид, открывает дверь. Отшатывается.*

ПАНИ ЯДВИГА. Почему так долго не открывала?

МОНИКА. Боже, что с вами?! Что всё это значит?.. Мамочка!

МУРОМЕЦ. Получи свою маму! И чтобы я больше!..

ПАНИ ЯДВИГА. Несите меня сразу в койку! У меня шея!

МОНИКА. Неси в комнату! Сюда, сюда! (*Увлекает в тёщину комнату.*) Только осторожнее!..

ПАНИ ЯДВИГА. Хочу в койку!

МОНИКА. Клади на кровать! Да что ты её, как мешок! Это же мама!

МУРОМЕЦ. Кому мама, а кому и... Фу! Верхом на мне ещё не ездили!

МОНИКА. Что случилось? Что всё это значит?! Почему раньше срока? В таком виде?..

ПАНИ ЯДВИГА (*радостно*). «Милиционер Гвоздев» сел на мель! О, как он на неё сел!.. Получил о-огромную пробоину и тут же затонул! Как «Атлантик»!

МУРОМЕЦ. Моника, вот твоя мама... И всё! Я иду спать!

МОНИКА (*заслоняет дверь в спальню, где Квасников*). Нет! Сначала говори, что стряслось? Не пуцу. Говори! Бедная мамочка. Почему она вся в гипсе? Стреляли?!

ПАНИ ЯДВИГА. Он на меня упал! Когда «Милиционер» ударился о рифы. Он упал!.. Нет, это было восхитительно! Он закрыл меня своим телом. А что оставалось делать? Мы могли все погибнуть, в последний момент, перед смертью, лучше всего упасть на женщину!

МОНИКА. Какие рифы? В вас стреляли!.. И ты? И ты закрыл своим телом тёщу?!

МУРОМЕЦ. Ну да, закрыл... Наоборот, подставил, если бы стреляли! Нашли телохранителя...

ПАНИ ЯДВИГА. Когда на тебя падает такой энергичный и страстный мужчина, забываешь, что он тебе зять, что тонет судно!..

МОНИКА. Кто упал на тебя, мамочка? (*Мужу.*) Ты упал? Почему ты упал на маму в тот решительный час?

МУРОМЕЦ. Я случайно упал! Не удержался. Сила инерции, закон физики. Когда «Атлантик» сел на рифы!.. Тьфу!.. «Гвоздев»!

ПАНИ ЯДВИГА. «Милиционер Гвоздев» сел на мель! И мы упали. Эта всемогущая сила инерции! О, как это замечательно, когда на тебя падает мужчина. Моника, неужели на тебя до сих пор никто не упал?

МУРОМЕЦ. Она всё расскажет, а я пошёл спать!

МОНИКА. Милый!.. Единственный мой! А что у тебя с головой?

ПАНИ ЯДВИГА. На него упала рубка!

МОНИКА. Господи... Какая рубка?

ПАНИ ЯДВИГА. Капитанская. Вместе с капитаном и штурвалом. Нет, это было превосходно! Мы стоим на палубе и любимся красотами скупой северной природы, и тут!.. Грандиозно! Падает рубка! Капитан сразу наповал. Голова, как орех, надвое. Судно – надвое!..

МУРОМЕЦ. Довольно! Не могу больше. Я валюсь с ног. Скоро сутки, как я вожусь с этим Ядом. Я отравлен!.. Всё, хочу на свой волшебный матрац. Пусти! Или упаду прямо здесь... Ну, пусти! Не с этой же... мамочкой мне ложиться в постель?

МОНИКА. Если не можешь идти, дорогой, ложись с мамочкой. Я позволяю. Она тебе родственница!

МУРОМЕЦ. Да нет уж, я дойду до своей спальни. До нашей! Доползу.

ПАНИ ЯДВИГА. И тут страшный треск и грохот! Мы все падаем! Нас сметает волной, горячим знойным ветром. Ах, как это приятно!..

МОНИКА. Это был взрыв?! Они заложили бомбу?!

МУРОМЕЦ. Какую бомбу, дорогая? Сели на мель! Канал обмелел, давно не чистили... Ну, пусти меня! Пожалуйста, дорогая... Ноги не держат. Или пойдём вместе?.. Ну?

ПАНИ ЯДВИГА. И я ощутила на себе... вес! Живой, энергичный груз. Сто килограммов мужской красоты! Ощущения несравненные, ностальгические...

МОНИКА (*хватает телефон*). Ни шагу! Скорую! Я вызову скорую. Вас нужно немедленно госпитализировать!

МУРОМЕЦ (*на тётку*). Её! Её необходимо! У неё и так было с головой... А тут вообще. Как она меня достала!..

МОНИКА. Дорогой, несравненный муж! Мне сейчас важнее твоя голова. (*Набирает номер*.) С этим шутить нельзя. Если у тебя сотрясение мозга?! Тебе нужен полный покой! Ложись на пол. И не двигайся!

МУРОМЕЦ. Не хочу на пол! Я что, бомж? Хочу на свой любимый матрац!.. И скорой не нужно. Ты не волнуйся, милая, голова, конечно, гудит, но это от Яда... Выплюсь и пройдёт!

МОНИКА (*трагично*). Нет, это не пройдет. Когда человеку на голову падает рубка с капитаном начинаются необратимые процессы. Нужна реанимация.

МУРОМЕЦ. Но я жив! Не мама твоя, так вообще бы чувствовал себя великолепно.

ПАНИ ЯДВИГА. Я так и обмерла! Во всём теле сладкая истома... А так пошевелиться хочется. Потрогала его – вроде жив, и тоже как-то странно шевелится... Спрашиваю по-английски – кто ты, незнакомец? А он мне отвечает: «Несравненная пани Ядвига! Это же я, Уинстон. Уинстон Черчилль...»

МОНИКА. Мама, прекрати! Я вызываю скорую.

МУРОМЕЦ. Извини, дорогая, не хочу в реанимацию. Не поеду!

МОНИКА (*сурово*). Посмотри на мою маму? Посмотри!

МУРОМЕЦ. Посмотрел, ну и что?

МОНИКА (*скорбно*). Неужели ты хочешь стать таким же, как она?.. На маму падали рубки, капитаны и президенты. И вот результат... Ты этого хочешь?

ПАНИ ЯДВИГА. А я ему: «Мистер Уинстон, мне конечно, приятно, да только от вашей сигары загорелся подол моего вечернего платья. Не потрудитесь ли погасить огонь?»

МУРОМЕЦ. Но я совершенно нормально воспринимаю реальность. Вот ты, моя жена Моника, а вот на постели лежит моя... (*Кровожадно*.) О, глаза бы не видели!

МОНИКА. Вот! Вот! Уже началось!

МУРОМЕЦ. Что – началось?

МОНИКА. Неадекватное поведение! Первые признаки. Потом – галлюцинации... У мамы было так же.

МУРОМЕЦ. Какие галлюцинации? Я в твёрдой памяти, себя контролирую. Иначе бы не возился с Ядом...

МОНИКА. Дорогой, у тебя уже навязчивые идеи. Нужен доктор! Реанимация.

МУРОМЕЦ. Самая лучшая реанимация – ты, дорогая. Пойдём в спальню?

Вдруг отталкивает жену, указывает рукой на дверь, хлопает ртом. Сонный Квасников, завернутый в простыню, идёт по коридору.

МОНИКА. Что? Что с тобой?

МУРОМЕЦ. Там... Гляди!.. Там! Идёт...

МОНИКА. Кто идёт?.. Никого нет!

МУРОМЕЦ. Да вон же, вон!.. Это же... мой начальник службы безопасности... Почти голый!

МОНИКА (*кричит*). Нет никого, нет! Смотри – вот! (*Машет руками под носом Квасникова.*) Воздух! Один только душный воздух! Пусто!..

Квасников заходит, трёт глаза, застывает в изумлении. Эдакий патриций.

МОНИКА. Началось! Галлюцинации! (*В трубку.*) Скорая? Скорая! Срочно врача! У мужа сумеречное состояние... Да нет, не с перепоя! От свадебного путешествия!..

МУРОМЕЦ медленно оседает, валится на пол без сознания. Затемнение.

Голос Моника в трубку.

Да-да, это наследственное. У его тёщи точно такой же диагноз. Они вместе отправились в свадебное, на милиционере... А почему нет-то, Господи? Всё возможно! И там потерпели катастрофу, сели на рифы!..

ГОЛОС ТЁЩИ. А мистер Уинстон хлопает ладошкой, вроде бы подол тушит! А сам, проказник, всё по другому месту. Так нахлопал!.. От моего платья тогда на этом линкоре и пожар начался. От морячков одни ленточки по морю долго ещё плыли...

Хлопает подъездная дверь. Затемнение.

Поздний вечер. Моника у постели больного. МУРОМЕЦ лежит с компрессом на голове, на том самом месте, где утром спал Квасников.

МУРОМЕЦ (*ощупывает матрац*). Мне стало хорошо, так мягко и уютно. Спасибо, дорогая... (*Тянется рукой.*) Я так по тебе соскучился...

МОНИКА (*меняет компресс*). Лежи спокойно! Врач сказал, никаких больше стрессов, нервных перегрузок и острых ощущений.

МУРОМЕЦ. Я чувствую себя отлично. Тело невесомое и в голове совершенно светло!

МОНИКА. И ничего больше не чудится? Например, твой начальник службы безопасности? Как его фамилия? Не помню...

МУРОМЕЦ (*озирается*). Квасников... Нет, не вижу... Не чудится. Только знаешь... Странно. (*Прищипывается.*)

МОНИКА. Что – странно?

МУРОМЕЦ. Иногда запах его чую. Будто ветерком наносит... У него такой специфический мускусный запах. Как от козла.

МОНИКА. Никогда не нюхала козлов. Это плохо.

МУРОМЕЦ. Что – плохо?..

МОНИКА. Продолжаются обонятельные галлюцинации. Остаточные явления от травмы. Бывает после сотрясения, доктор сказал, пройдёт. Но я всё равно так волнуюсь! Ты зря отказался от госпитализации.

МУРОМЕЦ. Но прогресс на лицо! Утром вообще было...

МОНИКА. Я так переживала, дорогой... Лучше бы вместо мамы поехала по этому дурацкому каналу!

МУРОМЕЦ. Прости, что доставил тебе столько неприятных минут. Знаешь, когда такое случается, жизнь действительно становится простой, ясной и понятной. И я решил... посвятить её тебе.

МОНИКА. Мне?.. А разве до этого не мне посвящал?

МУРОМЕЦ. Только её часть, остальное отнимала работа, важные дела. Теперь мы ни на минуту не будем расставаться.

МОНИКА. Что ты хочешь сказать?

МУРОМЕЦ. Должен открыть свои тайные замыслы. Я решил ликвидировать компанию. Без тебя там стало пусто... И отправиться в путешествие! На всю жизнь. Мы будем переезжать из города в город, из страны в страну, жить в богатых апартаментах, развлекаться... Ты же этого достойна?

МОНИКА. Я-то достойна, но позволь спросить, дорогой, на какие шиши? Если закроешь компанию?

МУРОМЕЦ. Продам виллу, офисы, мебель, автомобили ну и прочий хлам. Кое-что наскребём...

МОНИКА (*целует мужа*). Муромец, это замечательно... Но маму придётся взять с собой.

МУРОМЕЦ (*подскакивает*). Что? Маму?! Боже мой! Сейчас опять начнётся. Вот, точно!.. Уже запахло козлом.

МОНИКА. Но милый! Нельзя же её оставить здесь одну?

МУРОМЕЦ. Когда она помрёт? Когда черти приберут? Она же древняя, как динозавр!

МОНИКА. Не смей так говорить о маме!

МУРОМЕЦ. Да, прости... Фу, как воняет!

МОНИКА (*меняет компресс*). Успокойся, дорогой. Его здесь нет. И никогда не было. Телефон я отключила, звонок на двери тоже. Теперь расслабься, прикрой глаза. Тебе хорошо, тепло... Я сейчас схожу в ванную и вернусь к тебе. Сделаю легкий, эротический массаж, сниму все остаточные явления. И рожки перестанут расти...

МУРОМЕЦ. Что? Какие рожки?

МОНИКА. Ну вот, ещё и слуховые галлюцинации! Всё, ложись, закрывай глаза и жди. Откроешь, когда позволю... Я приду к тебе свежая, обнажённая и влажная. Ты же любишь, когда я прихожу из ванной.

МУРОМЕЦ. Чтобы кожа в пупырышках, как огурец... И скрипит, как кочан капусты...

МОНИКА (*уходя, себе*). Да... Ты же когда-то был директором плодоовощной базы...

МУРОМЕЦ (*себе*). Действительно! Я тоже думаю: при чём здесь рожки?

Моника выходит на цыпочках. Муромец некоторое время лежит с закрытыми глазами. Потом начинает принохиваться. Запах всё сильнее. Вскрикивает, разгоняет воздух полотенцем. Всё равно есть... Достает дезодорант, опрыскивает комнату, нюхает и счастливый, ложится, закрывает глаза.

В это время открывается окно, в спальню забирается Квасников. Крадёт к кровати.

МУРОМЕЦ. Я слышу, дорогая... Это ты... От тебя исходит благоухание. (*Тянет руки*.) Иди ко мне скорее... Я уже в отличной форме! Можно открыть глаза? Хочу увидеть тебя, сияющую...

КВАСНИКОВ (*шёпотом*). Это я, шеф. Тихо, не поднимайте шума...

Муромец открывает глаза, пауза, наполненная назревающим ужасом. Сползает с кровати вместе с одеялом, забивается в угол. Квасников делает знаки – тихо! – и приближается.

МУРОМЕЦ. Не подходи!.. Чур! Чур меня!

КВАСНИКОВ. Не бойтесь, шеф... Это не глюки...

МУРОМЕЦ. Знаю!.. Так всё и начинается!.. Отравленное ядом сознание...

КВАСНИКОВ. Да я натуральный! Вот, пощупайте руками. Не призрак.

МУРОМЕЦ. Нет, не верю... Потом будет, как у тёщи, у баронессы...

КВАСНИКОВ. Император! Успокойтесь! (*Озирается*.) Срочное дело! Нельзя входить в двери... Извините, что в окно... У вас телефон отключён...

МУРОМЕЦ. Сгинь! Сгинь-пропади! (*Неумело крестит, швыряет посудину*.) Иди, иди к тёще! Ты окном ошибся. Вам вдвоём будет как раз...

КВАСНИКОВ. Ну что, в самом деле, шеф! Натё вот, посмотрите мой паспорт!

МУРОМЕЦ. Паспорт?..

КВАСНИКОВ. У приведенный же нет паспортов! (*Бросает паспорт.*)

МУРОМЕЦ (*боязливо берёт, смотрит*). Верно... Паспорт натуральный... Квасников, мой начальник службы, холост... прописан...

КВАСНИКОВ (*показывается со всех сторон*). А вот и я. Смотрите. Совсем и не призрачный!

МУРОМЕЦ (*строго*). А ну, подойди сюда.

КВАСНИКОВ. Зачем?

МУРОМЕЦ. Я сказал – подойди!

КВАСНИКОВ (*трусит*). Не понимаю, шеф... И так видно... Вот же, стою!

МУРОМЕЦ. Не бойся! Я тебя понюхаю.

КВАСНИКОВ. А чего... Чего меня нюхать? Я сегодня не пил!

МУРОМЕЦ. Настоящий Квасников пахнет... Африкой.

КВАСНИКОВ. Африкой? (*Обнюхивает себя.*) Вроде я... не пахну. Ничем...

МУРОМЕЦ. Ничем не пахнут только деньги. Подойди!

КВАСНИКОВ (*осторожно подходит*). Пожалуйста, шеф... Только не понимаю, отчего я должен чем-то пахнуть? Я и в Африке-то не был...

МУРОМЕЦ. Вот теперь чую – натуральный... Фу!.. Натуральный козёл. Пожалуй, даже козлы лучше пахнут. И как только женщины тебя терпят?

КВАСНИКОВ. Попрошу не оскорблять, шеф...

МУРОМЕЦ. Докладывай, зачем явился! И таким способом.

КВАСНИКОВ. Надо один оргвопрос решить. Относительно безопасности. Вы не хотите прогуляться, шеф? А то у вас тут душно...

МУРОМЕЦ. Прогуляться? Прямо сейчас?

КВАСНИКОВ. Перед сном воздухом подышать. У подъезда, в своём дворе. И вопрос утрясём.

МУРОМЕЦ (*подумал*). Нет, не хочу. Давай, что у тебя, выкладывай!

КВАСНИКОВ (*озирает стены*). Здесь нельзя... (*Шепчет.*) В ваше отсутствие тут наследили.

МУРОМЕЦ. Как это – наследили? Кто?

КВАСНИКОВ. Кто-кто... Конкуренты! Клотов в стены насадили, электронику! Всё пишат!

МУРОМЕЦ. А что же ты?! Почему был не на месте?

КВАСНИКОВ. Я всегда на месте. Потому и знаю. Выходите на улицу через дверь, а я через окно. У подъезда встретимся.

МУРОМЕЦ (*делает движение пойти – снова ложится*). Нет... Не хочу! Завтра! Приходи завтра.

КВАСНИКОВ. Безотлагательное дело! Можно опять на крупные бабки налететь!

МУРОМЕЦ (*нехотя встаёт, ищет тапочки. Квасников достаёт ему костюм, рубашку, галстук*).

КВАСНИКОВ. Надо переодеться! В пижаме гулять не солидно, шеф. Что соседи подумают, милиция? Почему это человек выскочил как на пожар? Положение обязывает, имидж...

МУРОМЕЦ. Да не хочу я переодеваться! Кто ночью увидит?

КВАСНИКОВ. Император, вы слишком заметная фигура! И есть это великое слово – надо!

МУРОМЕЦ (*вяло начинает переодеваться, но вдруг всё бросает и ложится под одеяло*).

МУРОМЕЦ. Эх, молодо-зелено... Не в бабках счастье, Коля! А в чём-то другом. Сейчас ко мне придёт молодая жена... Из ванны... Влажная, прохладная, вся в пупырышках... И я этот огурчик... Ты скажи мне, Коля: почему до сих пор не женат? А ведь пора!

КВАСНИКОВ. Я на этих тёлках смотреть не могу! Шкуры они все...

МУРОМЕЦ. У тебя что... другая ориентация?

КВАСНИКОВ. Обижаете, император. Если в вашей квартире козлом пахнет, это ещё ничего не значит.

МУРОМЕЦ. Надо тебе невесту найти. Сам займусь. Какая понравится – на той женю.

КВАСНИКОВ. Гиблое дело, шеф. Говорю же, тёлки надоели. Мне бы зрелую женщину, в возрасте, с положением. Можно даже без пенсии... Ласковую, заботливую, нежную и ещё крепенькую... женщину.

МУРОМЕЦ. Так женись на моей теще!

КВАСНИКОВ (*машет*). Император!.. Вы что, вы за кого меня?! Если у неё дочка такая, можно представить какая мамаша!

МУРОМЕЦ. Чего? Что ты сказал про дочку? То есть, про мою жену?

КВАСНИКОВ (*трусит*). Нет! Ничего. Я про неё ничего. Говорю, дочка такая! Такой цветочек... Я про тещу. А теща!.. Монстр. Гидра. Чернобыль!

МУРОМЕЦ. Смотри у меня!.. (*Вдруг.*) Пошёл вон. Исчез. Растворился! Ко мне придёт обнажённая жена.

КВАСНИКОВ (*опомнился*). Шеф, ну на минуту выйди? Даже на полминуты. На пять секунд!

МУРОМЕЦ. Что можно успеть за пять секунд? Глупости... Сгинь! Я сегодня не принимаю. Я жду женщину.

КВАСНИКОВ. Завтра будет поздно!.. Шеф, ну...

Муромец хватает вазу с цветами – Квасников с сожалением открывает окно, закидывает ногу. Вдруг.

МУРОМЕЦ. Стой! Назад. Ко мне.

Квасников с готовностью возвращается, подаёт костюм, но Муромец не спеша встаёт, включает телевизор на большую громкость. Прогуливается задумчиво.

Если уж ты пришёл, сейчас получишь задание. Особой секретности и важности. Записей не делать, запоминай.

КВАСНИКОВ. Я весь во внимании, император.

МУРОМЕЦ. Квасников, ты же имеешь дела какие-то с этим... с криминалитетом? Ну, эти, жертвы рыночного аборта? Бандиты, рекетиры, киллеры.

КВАСНИКОВ. Только с охранными структурами, шеф.

МУРОМЕЦ. Ну, так назови – разницы нет... Есть у тебя среди этой сволочи надёжные?

КВАСНИКОВ. Всё зависит от задачи, бабок и формы оплаты.

МУРОМЕЦ. Фу, надо же, как воняет!.. (*Прыскает дезодорант.*) Форма оплаты любая, а за ценой не постоим.

КВАСНИКОВ. Задача?

МУРОМЕЦ. Я тебе доверяю, Коля. Ты не просто служишь у меня, а уже как друг семьи...

КВАСНИКОВ. Можно сказать, брат. Младший брат...

МУРОМЕЦ (*чесет лоб*). Можно и так... Понимаешь, есть человек, который... отравляет мою жизнь. И жизнь моей семьи. Вяжет мне руки, ноги... Нам с женой.

КВАСНИКОВ. Я понял, шеф!

МУРОМЕЦ. Что ты понял? Может, ты не так понял?

КВАСНИКОВ. Закажем отравителя жизни. Сумма в баксах, телефон, адрес и фотография.

МУРОМЕЦ. И всё?

КВАСНИКОВ. Император, я службу знаю. Сколько?

МУРОМЕЦ. А сколько надо? Ты же понимаешь, я никогда не занимался, не сталкивался...

КВАСНИКОВ. Ну, нынче цены на этом рынке поднялись, работы невпроворот... Опять же, надо ствол купить, автомобиль... Затраты большие.

МУРОМЕЦ. Автомобиль, может, и не понадобится... Кусок верёвки!

КВАСНИКОВ. Это не профессионально.

МУРОМЕЦ. Так сколько? Конкретно?

КВАСНИКОВ. Для вас, шеф, можно организовать по льготной цене... За восемь тысяч. Половина – вперед.

МУРОМЕЦ. Даю десять! Но чтобы легко, безболезненно и быстро. Чтобы как мимолётный сон... Гуманно!

КВАСНИКОВ. За десять я и сам бы...

МУРОМЕЦ. Что?.. Мало?

КВАСНИКОВ. Нет, спросил телефон и адрес.

МУРОМЕЦ (*мнётся*). Самое сложное... Да, не предполагал... В общем, мой телефон и мой адрес.

Квасников отскочил, заслонился рукой, замахал, как от наваждения. Испуганно, жалобно.

КВАСНИКОВ. С ума!.. С ума сошли, император. Нет! Ни за что... Вам нездоровится!.. Ничего себе? Нашли способ! Это вместо самоубийства? Оригинально! Нет. У вас молодая красивая жена. В пупырышках!.. А какая страстная... Нет!

МУРОМЕЦ. Кретин! И этому человеку я плачу деньги? За мою безопасность. За спокойствие компании и семьи... Тёщу надо грохнуть, идиот! Кто ещё может отравлять жизнь?!.. Жениться не хочешь, значит, мочи её. Всё с вами... открытым текстом... Быстро, гуманно и... нежно.

КВАСНИКОВ. Так бы сразу и сказали... Тёщ часто заказывают. Нет проблем. В лучшем виде. Фу!.. Здесь и правда козлом пахнет. Ну и вонища!

МУРОМЕЦ. Всё, иди!

Квасников мнётся, не уходит. Муромец озирается на дверь, шёпотом.

Ну, иди, иди! Сейчас жена придёт. Обнажённая.

КВАСНИКОВ (*спокойно*). Шеф, задаток. Предоплату. Это рынок!.. Исполнители должны купить ствол, бросить на месте, чтоб милиция знала, кто работал, и не искала... Извините, там свой почерк, нравы, традиции...

МУРОМЕЦ достаёт из-под матраца деньги, отворачиваясь, отсчитывает. Подаёт. Квасников пересчитывает.

МУРОМЕЦ. Что ты, в самом деле? Я никогда не обманываю. Смывайся!

КВАСНИКОВ. Лишний стольник... (*Протягивает.*) Я привык работать честно. И советую не сорить деньгами, брат... Теперь садитесь и смотрите ящик. Обязательно передадут. Там у... охранных структур оплаченная реклама.

Исчезает за окном. Муромец торопливо освежает спальню, ложится под одеяло. Пауза.

МУРОМЕЦ. Нет, ну, сколько можно?.. Каждый день вот так, уйдёт в ванную – не дождёшься. Плевать бы на пупырышки. Дорога ложка к обеду... Тут и... душа упадёт, пока придёт. Стоит под душем или в ванне плавает, в пене... И уже скрипит, как кочан. Как молодой, налитой кочан, по шесть копеек за килограмм по отпускной цене... Нет, ну это невозможно! Её мама!.. То есть моя тёща, этот смертельный Яд, и то энергичнее. В таком возрасте!.. Откуда что и берётся. Затащила утром в сквер – едва отбилась. (*Вспоминает, передёргивается.*) Уедем, говорит, в Бангладеш. Там президент знакомый, всё устроит. На слонах будем кататься!.. Послушать, так у неё знакомых президентов полмира!.. Ну, теперь всё. Прости, Господи! Ты же видел, что творит твоя рабыня. Ни в какие ворота... Пошли ей смерть легкую! Прими в свои кущи...

Заглядывает под одеяло, удивлён. Лезет рукой, что-то ищет. Вытаскивает грушуклизму, швыряет.

Нет, наша медицина почище китайской будет! У них хоть иголки в пятки, а тут голова болит – клизму ставят... Какая связь?.. Нет, ну сколько можно? Уже и спать хочется... Пойти за ней, что ли? Опять увлеклась... водными процедурами... Заодно и спинку намылить...

Встаёт, осторожно крадётся тёмным коридором к ванной комнате, откуда падает свет. Открывает дверь... За пластиковой ширмой – театр теней. Женщина, склонившись, моется... Муромец слушает, затем озирается и заходит в ванную. Пауза. Потом женские восклицания, игривые повизгивания. И сытое, довольное урчание котяры.

Из кухни появляется Моника с маской из свежей клубники на лице, заглядывает в ванную. Не сразу.

МОНИКА. Вот как?! Ах ты, старый кобель!

Из ванной выходит МУРОМЕЦ с намыленной мочалкой в руке. Сталкивается с женой – шарахается, кричит.

Муромец в ужасе смотрит то в ванную, то на Моника, машет руками, хлопает ртом. Из ванной выглядывает ПАНИ ЯДВИГА.

ПАНИ ЯДВИГА (безвинно). Ой, а кто это был?.. Моника, это ты была? Кто мне спинку тёр? Ах, какие нежные руки, а какая... мочалка!

МОНИКА. Твой зять! Видишь, стоит с... мочалкой... Извращенец!

ПАНИ ЯДВИГА. Зять?.. Неужели это вы, сударь?.. Не узнала! Но тёрли хорошо, со вкусом... Сударь, а вы блудник!

МОНИКА (грозно). Он, развратник!

МУРОМЕЦ (пришёл в себя, бросил мочалку). Я думал – ты!.. Я ошибся!

МОНИКА. Он ошибся! Теперь ясно, почему на маму упал.

МУРОМЕЦ. Упал? Я не падал! Я обознался!

МОНИКА. На теплоходе упал! В круизе!

МУРОМЕЦ. Я там случайно! Сила инерции. «Милиционер Гвоздев» сел на рифы!

ПАНИ ЯДВИГА. Сел на мель! А он упал! Совершенно случайно. Ах, вы, баловник!

МОНИКА. А здесь кто сел... на рифы?

МУРОМЕЦ. Моника! Я тебя ждал. Терял... надежды!.. И пошёл за тобой.

МОНИКА. И перепутал с мамой?

МУРОМЕЦ. Вы же одинаковые, посмотри! Две капли воды!

МОНИКА. Мы – одинаковые?! Это мы одинаковые?.. Для тебя все женщины одинаковые! Маньяк!

МУРОМЕЦ. На тебе только гипса нет. А если надеть и ещё намылить, так по телосложению, по формам... Не отличить...

ПАНИ ЯДВИГА. Ах, какой маньяк! Меня вот за эти места ка-ак схватил! Спинку потру! А ручонки шаловливые...

МОНИКА (плачет). Не отличить... Променял меня, молодую девушку, на старуху. Перепутал он!.. Я заметила, после круиза ты сильно изменился... Чтобы позволять себе такие банные шалости, надо быть... Ну хотя бы министром юстиции! А ты кто?.. Ты теперь никто...

ПАНИ ЯДВИГА. А вы кто, сударь?..

МУРОМЕЦ. Ты должна быть в ванной... А ты в маске!.. И ещё там вода лилась! А она же искажает действительность. Она же как лупа! Закон физики. Преломление лучей.

МОНИКА. Тем более, если лупа! Должен был рассмотреть... У него молоденькая жена, а он к теще пристаёт!

ПАНИ ЯДВИГА. Пристаёт! Ах, как он пристаёт. Как банный лист!

МУРОМЕЦ (в крайнем отчаянии). Да не приставал я! Моника! Жена моя! (Становится на колени.) Ну, как я могу к этой... с этим Ядом? Побаловать хотел, подурачиться... С тобой!

С тобой! Спинку потереть... Ну, не отличаю я намыленных женщин! Сорок штук поставь – не узнаю, все скользкие, как змеи. Да ещё мыло-то – хозяйственное! В глаза попало, дерёт – ничего не вижу!

МОНИКА. Мылишь чем попало! И вообще, живём за чертой бедности. За рубеж поедем! В апартаменты!.. У самого на приличное мыло средств не хватает!

МУРОМЕЦ. Ещё бы я тещу мылил дорогим мылом!

ПАНИ ЯДВИГА. Ещё бы! Тещу мылил. Только дорогим!

МУРОМЕЦ. Замолчите, мама! Какой вас чёрт занёс в ванную?! И ещё там пены напустили, пару! Моника, я как увидел, меня сразу в пот бросило, в жар. Ну как в бане!

МОНИКА. С лёгким паром, дорогой! *(Даёт пощёчину, убегает.)*

ПАНИ ЯДВИГА. Соблазнитель вы мой! *(Трепетно бьёт по второй щеке.)* В следующий раз не делайте таких глупостей. Дон Жуан! Казанова! Ах, вы мой растлитель!

Исчезает следом за дочерью. Муромец в состоянии шока бредёт в одну сторону, в другую, потом заскакивает в спальню, запирается, переводит дух, сползает по стене. Затемнение.

Картина третья

ПАНИ ЯДВИГА в своей постели. Глубокая ночь. Медленно отворяется окно, влезает КВАСНИКОВ в маске-чулке, крадётся к кровати. Надевает перчатки, достаёт пистолет, заметно волнуется. Приставляет к голове тёщи, отворачивается, затыкает одно ухо... Нет, выстрелить не может, да и нельзя. Переводит дух, вытирает пот. Озирается – чем? Несёт торшер, выбирает позицию, размахивается, готов нанести удар, но попадает по люстре. Звон и грохот. Отскакивает в угол. Торшер висит на люстре, а Квасников лежит на полу, озирается – нет, всё тихо. Отрывает шнур от торшера, идёт к постели, крестится и набрасывает петлю на шею тёщи. Душит изо всех сил, пыхтит – вроде готова...

Пятится к стене, переводит дух, убирает следы преступления. Затем на четвереньках возвращается к постели, смотрит – отишатывается, страшно. Крадётся к окну, но замечает иконы в углу. Набожно становится на колени, крестится. Шёпотом, пальцы веером.

КВАСНИКОВ. Господи, прости! В натуре... Первый раз в жизни... И последний! Гадам буду... Ну я тебе потом в церкви баксов отстегну! Без балды... Свечей наставлю – только прости! Она старая была. Скоро сама бы загнулась. В чём и душа-то держалась у неё, Господи? Божий одуванчик. Ну, век воли не видать! Ну?.. Ты же не прокурор, Бог! Помилуй, а? И воздам! Нормально воздам, без обиды.

На этой молитве пани Ядвига медленно встаёт с постели, в белом рубище, идёт к Квасникову как привидение. Кладёт руки на плечи, ощупывает, стягивает маску с головы. Тот замирает с поднятой для креста рукой.

ПАНИ ЯДВИГА. Мужчина... Настоящий... Думала, приснилось. Так жарко обнимал! Ах, как обнимал... Чуть гипс не изломал...

Квасников медленно оборачивается к ней, кричит дурниной, отползает, заслоняясь руками. Пани Ядвига завлекающе.

Что вы кричите, дурачок? Напугались? Так обнимали, теперь кричите... Я же вас узнала. Узнала! Вы мне сегодня спинку терли. Ах, шалун! Теперь я вам потру!

КВАСНИКОВ *(кричит)*. Нет! Не забирай меня. Я ещё молод!.. Прочь, старуха! Господи! Ну не сдавай меня. Не сдавай! Если такой базар – все баксы отдам! Десять тысяч...

ПАНИ ЯДВИГА. Не поднимайте шума, обнимите ещё. Какие сильные руки!.. И мы оба замрём в жарких объятьях. *(Лезет к нему в руки.)*

КВАСНИКОВ *(отталкивает, уползает)*. Не хочу... Не прикасайся ко мне!..

На шум вбегают МОНИКА.

МОНИКА. Что здесь происходит? Мама?..

КВАСНИКОВ (*бросаясь к ней*). Защити меня! Спрячь! Она хочет взять с собой!..

МОНИКА. А ты как здесь оказался?

ПАНИ ЯДВИГА. Никак! Он здесь не оказался!.. Здесь никого нет. Эй, тут есть кто-нибудь?.. Никого! Это тебе кажется.

МОНИКА. Замолчи, мама! Мне не кажется... У тебя в спальне мужчина! (*Квасникову*.)
Что ты здесь делал?

КВАСНИКОВ. Охранял... Покой семьи...

МОНИКА. В спальне моей мамы?

ПАНИ ЯДВИГА. Мужчина?! Какой ужас! В спальне?!. Натуральный мужчина?!.
(*Тянетса руками*.) Дай, пощупаю. Дай!

КВАСНИКОВ. Не давай. Не давай щупать!

МОНИКА. Пошёл вон, извращенец!.. Мама, прекрати! У тебя постельный режим. Тебе прописан абсолютный покой. Иначе не сростутся шейные позвонки. (*Укладывает*.)

КВАСНИКОВ (*подбирается к окну*). Ведьма! Ведьма!.. Господи, пронеси! Всё отдам, братву подключу... Помилуй, избавь!

МОНИКА (*угрожающе*). Это кто ведьма? Я ведьма?

КВАСНИКОВ. Вы... Нет, она... Вы! Вы. Обе... Оборотни! Ведьмы!

Прыгает в окно, убегает. Моника бросается к окну.

МОНИКА. Куда? Стой! Стой!.. Убежал, подонок!.. Мама! Что ты делаешь с мужчинами?
Вечером застаю со своим мужем. Ночью к тебе в спальню забирается мой... начальник службы безопасности. И всё будто по роковой случайности, по ошибке.

ПАНИ ЯДВИГА. Я их притягиваю.

МОНИКА. Чем ты их притягиваешь? Гипсовым ошейником?

ПАНИ ЯДВИГА (*кокетливо*). Чем, чем... Своими чарами.

МОНИКА. Чарами?.. Кошмар! Где, они, твои чары? В чём? Совсем из ума выжила.

ПАНИ ЯДВИГА. Я их люблю.

МОНИКА. Кого? Мужчин? Этих... маньяков и подлецов, которые обманывают на каждом шагу?

ПАНИ ЯДВИГА. А ты их прощай! О, прощённые мужчины такие обходительные, такие ласковые...

МОНИКА. Нет, я бы простила, что муж к тебе в ванную забрался. Пусть бы каждый день там спинку тёр... Но у меня закралось сомнение...

ПАНИ ЯДВИГА. Естественно. И чем больше сомнений, тем слаще любовь. Это как пирог с начинкой...

МОНИКА. Я не о том, мама! Сегодня он предложил... сменить образ жизни, поехать за рубеж. А про секретный сейф – ни слова. Как будто его не существует!.. Так может, счета в иностранных банках тоже арестованы?.. Перестал делать мне подарки, обедаем не в ресторане, а дома... Пока без сознания лежал, залезла к нему... ну, в общем, ключа от этого сейфа нет. Или в другое место прячет, или... что-то скрывает. Мама, а если он нищий? Ты всё видишь. Ты всё знаешь о нём! Говори, он нищий?

ПАНИ ЯДВИГА. Нищий. А разве не заметно? С одним матрацем пришёл!.. А зачем тебе нищий мужчина? Для такой красавицы, как ты, нужен солидный, состоятельный и известный человек.

МОНИКА. Да где его взять? К солидным близко не подпускают. Я к этому пробивалась через такие... (*хлопает постель*) тернии...

ПАНИ ЯДВИГА. Моника, дочь моя. Сядь вот сюда, рядом. И я тебя научу, как покорять настоящих, больших мужчин. Иначе ты всё время будешь сомневаться и выше бизнесмена никогда не поднимешься. А какое это счастье – любить знаменитых! Королей, шей-

хов, президентов... Садись, садись. Слушай, пока я жива... Самое первое правило: никогда не говори мужчинам «нет». В каждом следует отыскать то, что тебе нравится, что тебя привлекает к нему. И тут увидишь, как все недостатки начинают растворяться... Расскажу одну поучительную историю! Однажды я была на посольском приёме государства Зелёная Ботвиния. Всё чинно, благородно – поклоны, улыбки, платья шуршат, бокалы звенят... У нас были братские отношения между странами. Но король этой страны – натуральный людоед. Канныбал! В холодильнике одна человечина. Клыки, ноздри, а сам чернее ночи и злобный – чуть ли не на цепи водят. А самое замечательное – ходит совершенно голый!.. И вот вывели его к нам. Я немедленно подхожу, делаю книксен и говорю: «Вы прекрасны, ваше величество! Какой у вас страстный и одинокий взгляд...»

На её монологе свет и звук микшируются. Затемнение.

Утро. Мама с дочкой спят на одной кровати. МУРОМЕЦ по-прежнему сидит в своей комнате у стены без движения.

КВАСНИКОВ отпирает отмычкой дверь, осматривает квартиру, шарахается от тётчиной двери, открывает спальню. Муромец не реагирует.

КВАСНИКОВ. Шеф?.. Что с вами, шеф?.. Вам плохо? Почему вы на полу?

МУРОМЕЦ. Я мёртв. И умер не в собственной постели, как всякий страстный человек.

КВАСНИКОВ. Не валяйте дурака, император. Вы живы! Теперь я живых от мёртвых отличаю. (*Пытается усадить в кресло.*) Вставайте! Нельзя же, чтобы президенты валялись как бомжи...

МУРОМЕЦ. Коля... Я должен тебе признаться... Наша компания вылетела в трубу, и я больше не президент.

КВАСНИКОВ. Я знаю, шеф... Знаю, что всё забрали за долги. (*Усадил.*) Больше того, знаю, что вас заказали. (*Становится в позу каюцегося.*) И пришёл к вам с повинной головой...

МУРОМЕЦ. Заказали?.. Но почему я жив? Почему меня до сих пор не застрелили? У собственного подъезда? Как они отвратительно работают!

КВАСНИКОВ. Наверное, это невозможно сделать... На вас было столько покушений! Взорвали «Милиционера Гвоздева», прорву народа сгубили – вам с тётшей хоть бы что!.. Потом под видом скорой помощи приехали жуткие профессионалы! Вкачали вам смертельный яд, даже ядовитую клизму поставили!.. Хоть бы прохватило или стошнило.

МУРОМЕЦ. Это всё от того, что я адаптировался. Знал бы ты мою тёшу...

КВАСНИКОВ (*после горькой паузы*). Я её теперь знаю, шеф. Она ведьма... И потому ваш заказ остался не исполненным. Профессионалы за неё не берутся, а у меня... В общем, аванс возвращаю. Тут не всё: сто баксов сегодня на заутрене Богу отстегнул. И полтинник на свечи потратил... Полный отчет... И ещё, шеф... Простите меня! Вчера вечером я подрядился за тысячу баксов вытащить вас из квартиры к подъезду. Чтоб профессионалы сработали...

МУРОМЕЦ. А вот это не прощаю. И никогда не прощу! Почему не вытащили? Тысяча баксов! За такую сумму можно было и постараться... Я хочу умереть под пулями киллеров!

КВАСНИКОВ. Но вчера вы не хотели... Вы ждали жену...

МУРОМЕЦ. А сегодня хочу! Убийцы ещё у подъезда?

КВАСНИКОВ. Сейчас шёл – стояли. С пулемётами и базукой.

МУРОМЕЦ (*вскакивает, надевает костюм*). Замечательно! Пойди и задержи. Пусть не уходят. И готовятся!

КВАСНИКОВ. Не пушу, император! Вы всегда были такой жизнерадостный... Женились на молодой... девушке!.. С чего это вдруг решили с жизнью завязать?

МУРОМЕЦ. Только тебе, как брату, Коля. Боюсь сойти с ума! Не хочу жить в этом сумасшедшем мире. Да, у меня юная, красивая жена. И я женился на ней без всякого расчёта, по любви. О, как любил её! Боготворил!

КВАСНИКОВ. Это было заметно... Потому и фирма разорилась.

МУРОМЕЦ. Да плевать на фирму, Коля. Какое это чудо – любовь! Когда она есть, можно всё положить к ногам возлюбленной.

КВАСНИКОВ. Шеф, не понимаю вас... Что вы мне мозги пудрите? Будто я не знаю, что такое любовь. Да я столько раз любил – со счёту сбился!.. И должен покаяться, раз такой базар... Вашу жену тоже любил, позавчера. Всю ночь, до утра, и так измучился. Даже вас пожалел...

МУРОМЕЦ. Всего одну ночь? И измучился?.. Коля, Коля... Я люблю её уже два года, день и ночь. И был счастлив, не испытывал никаких мук!

КВАСНИКОВ. Всегда подозревал, шеф, вы гигант. Но не до такой же степени!.. Я моложе вас, но мне одной ночи хватило.

МУРОМЕЦ. Значит, ты её не любил...

КВАСНИКОВ. Да как же не любил? Ещё как любил! Но это же полный беспредел.

МУРОМЕЦ. Любовь, Коля, она всегда беспредельна. Для неё нет ни границ, ни возраста... Иное дело, как твоя возлюбленная любит тебя.

КВАСНИКОВ. Да и она любила! Могу побожиться. Да ещё как любила...

МУРОМЕЦ. Нет, я хотел сказать, за что. За какие качества. Или просто так, ни за что.

КВАСНИКОВ. Ну, известно за что! Хоть за баксы, хоть за наши... А просто так, шеф, знаете, кто любит?

МУРОМЕЦ. И вот вчера... Только вчера я будто проснулся. И обнаружил... Нет, почувствовал, за что она меня любит...

КВАСНИКОВ. Говорю же – за баксы. Ну а ещё-то за что любить вас, шеф?

МУРОМЕЦ. Я считал, есть за что...

КВАСНИКОВ. Это само собой... Но это же не профессионально, любить только за мужские качества.

МУРОМЕЦ (*оделся*). Потому я и не хочу больше жить в этом гнусном мире. (*Смотрится в зеркало.*) И сейчас выйду навстречу собственной судьбе.

КВАСНИКОВ. Когда баксы есть, он вовсе и не кажется гнусным... Даже наоборот... Шеф, может, у вас... нет счетов, недвижимости?

МУРОМЕЦ. Как брату, Коля... Нет у меня ни гроша за душой. И никогда не было! Я и в тёщин дом пришёл с матрацем, пижамой и тапочками...

КВАСНИКОВ. Простите, император... А секретный сейф? Чековые книжки зарубежных банков, документы на недвижимость?.. Каюсь! Каюсь! Ваша жена сказала!

МУРОМЕЦ. Знаешь, Коля, ради своей возлюбленной готов на всё. Я чувствовал, Монике очень хочется, чтоб у меня были эти счета, бумаги... Каприз такой, веяние моды. С нынешней оргтехнологией долго ли всё это слепить? Слепил и положил в сейф...

КВАСНИКОВ. Каюсь, мы с ней губы раскатали...

МУРОМЕЦ. Всё это милая, безобидная шутка...

КВАСНИКОВ. Тогда об чём базар, шеф? Дайте мне тысячу баксов срубить?

МУРОМЕЦ (*морищится*). Коля, я столько бился с тобой, учил языку, манерам... Говори по-русски!

КВАСНИКОВ. Вы же решили умирать, так оставьте добрую память? Это будет по-царски!.. Дайте денег заработать? Всё равно же... застрелят. А я с киллеров штуку сниму, за подставу. Стольник отдам в жертву, а полтинник, чтоб поминали целый год. Там есть такая услуга.

МУРОМЕЦ. Ладно, подставляй меня...

КВАСНИКОВ. Идите в двери! И скорее, а то мужики там продрогли, дождь всю ночь хлестал. Как бы заряды не подмокли.

МУРОМЕЦ. Бог не выдаст – свинья не съест.

КВАСНИКОВ. Это вы к чему?

МУРОМЕЦ. Да чтоб порох оставался сухим.

КВАСНИКОВ. Я в окно. А то там саданут из базуки – подъезд разнесут вдребезги. Извините, но вас, шеф, иначе не завалить.

МУРОМЕЦ. А ты проследи, чтоб профессионально. Контрольный выстрел в затылок.

КВАСНИКОВ. Всё в лучшем виде! Им же заплачено.

МУРОМЕЦ. Ладно, прощай, Коля. Я пошёл. *(Идёт к двери – возвращается.)* Слушай, брат... О Монике позаботься. Ну, мало ли чего... Чтоб не сгнула. Пусть поживёт ещё, может, ей повезёт.

КВАСНИКОВ. Шеф, само собой! Идите спокойно, в обиду не дам.

МУРОМЕЦ. И ещё знаешь... Говорить неловко. Вчера заказывал, а сегодня... *(Достаёт деньги.)* Тёще моей отдай. Пусть дождётся, когда новый «Титаник» построят... И купит билет на первый рейс.

КВАСНИКОВ. Не понял... Это когда ещё будет? Она и так старая, не доживёт.

МУРОМЕЦ. Она доживёт.

КВАСНИКОВ. Ничего себе, клёвый подарочек! *(Считает деньги.)* Жене любимой не оставили, а тёще... У вас с ней что-то было? Может, она беременна?

МУРОМЕЦ. За что я тебе зарплату платил?..

КВАСНИКОВ. Извините, император, понимаю царскую натуру, но это странно...

МУРОМЕЦ. Это не подарок, Коля – жестокая необходимость.

КВАСНИКОВ. Не понял, шеф... Нет, я вник, предсмертные наказания, но вы же в здравом уме и твёрдой памяти.

МУРОМЕЦ. «Титаник» должен утонуть.

КВАСНИКОВ. То есть, как должен?

МУРОМЕЦ. О, Боже!.. Если «Титаник» поплывёт – всё рухнет! Всё утонет! Уйдёт на дно морское! Плавать можно лишь на лодке, вдвоём. На маленькой вёсельной лодке. Ну, или на яхте, под парусом. И только вдвоём! Нельзя сажать на борт более двоих. А в наше время почему-то и двоим тесно в одной лодке...

КВАСНИКОВ. Но при чём здесь ваша тёща? И такие баксы?

МУРОМЕЦ. Да при том, что едва баронесса ступит на палубу, всякий пароход непременно пойдёт ко дну!

КВАСНИКОВ. А-а! Понял! Сразу бы сказали, теракт. Тёща вместо бомбы!

МУРОМЕЦ *(отмахивается, сворачивает матрац)*. Пусть будет так. Я иду!

КВАСНИКОВ. Матрац-то вам зачем, император? Теперь он не пригодится.

МУРОМЕЦ. И верно, зачем мне этот матрац на том свете?.. *(Снова расстилает.)* Сила привычки, любимый матрасишко...

КВАСНИКОВ. Насчёт похорон не волнуйтесь, всё сделаю в лучшем виде.

МУРОМЕЦ. Да уж постарайся.

Идёт к двери, открывает замок, после чего поправляет галстук, вздымает голову и открывает дверь. Квасников лезет через окно.

КВАСНИКОВ. Ну вы и монстр, шеф. Конечно, избавиться от этой ведьмы не просто, но всё равно вы, полный беспредельщик! Тучу народа сгубить из-за тёщи...

МУРОМЕЦ выходит из подъезда. Хлопает дверь. Стоит с высоко поднятой головой. Долгая пауза, тишина. Из-за угла киоска появляется Квасников, кому-то машет рукой – огонь! – а сам зажимает лицо руками, отворачивается...

Полная тишина. Пауза. МУРОМЕЦ выставляет ногу, делает грудь колесом – эдакий коммунист перед расстрелом.

МУРОМЕЦ. Прошу вас, господа! Я готов, пожалуйста!

Квасников не выдерживает, грозит кулаком в зал – киллеры там.

КВАСНИКОВ. Что вы ждете, профессионалы, мать вашу!.. Огонь!

Зажимает уши, ждёт – тишина.

МУРОМЕЦ. Стреляйте же, господа!

КВАСНИКОВ (*кому-то*). Эй, вы куда? Куда?! Козлы вонючие... Я же его подставил!..
Куда вы, стой! Бляха – муха, и это профессионалы?!

МУРОМЕЦ (*в зал*). Эй, господа киллеры! Чего же вы? Стреляйте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.